

ИСТОРИЯ Петербурга

№ 3(76) | 2019

Темы номера:

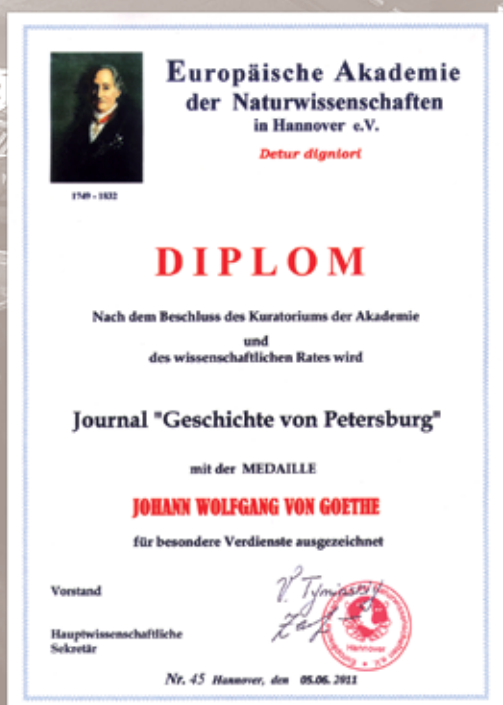
Интервью епископа Кронштадтского Назария,
наместника Свято-Троицкой
Александро-Невской Лавры

Гром-камень под Медным всадником

День демократии и национального единства Турции.
Взгляд из Петербурга

Журнал «История Петербурга» —
лауреат Анциферовской премии

Письма из 1916 года

60

**(ПИСЬМА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ
В ПЕТРОГРАД И ИЗ ПЕТРОГРАДА
В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ)**

Публикация, вступительный текст и комментарии
 доктора физико-математических наук, заведующего лабораторией ПОМИ РАН
М.А. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО
 и кандидата исторических наук
А.Ю. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

■ ПЕРЕПИСКА ДВУХ ЛЮБЯЩИХ ЛЮДЕЙ –
 ДЕЛО ЛИЧНОЕ, СУГУБО ИНТИМНОЕ.
 НО СЛУЧАЕТСЯ ТАК, ЧТО ОНА
 СТАНОВИТСЯ ДОСТОЯНИЕМ ИСТОРИИ.
 ЛЮБОВЬ И СЕМЕЙНЫЕ ЗАБОТЫ
 ДВУХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ
 ПОПЫТАЛАСЬ РАЗРУШИТЬ
 ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Семья Парландов на прогулке.
 Ууси-Кирка

Семейная переписка – особый мир, и нечасто бывает, чтобы личные письма могли быть интересны другим людям. Но это счастливое исключение. Написанные сто лет назад людьми культурными, думающими, образованными, эти письма стали важным, и уникальным, документом, свидетельством своего времени, эпохи тяжелейшего перелома в истории России. С их помощью мы можем представить и даже отчасти пережить события, как в то время говорили, второй Отечественной (первой считали войну 1812 года) и начавшейся революции.

*De profundis... Мое поколенье
 Мало меду вкусило. И вот
 Только ветер гудит в отдаленье,
 Только память о мертвых поет.
 Наше было не кончено дело,
 Наши были часы сочтены,
 До желанного водораздела,
 До вершины великой весны,
 До неистового цветенья
 Оставалось лишь раз вздохнуть...
 Две войны, мое поколенье,
 Освещали твой страшный путь.*

Анна Ахматова

В истории нашей страны эта война было искусственно забыта, нарочито заслонена событиями последовавшей революции 1917 г. и гражданской войны. Мы мало знаем о ней. Тем большую ценность представляют непосредственные свидетельства, письма и документы того времени. Они рассказывают нам о жизни и судьбе поколения, попавшего в безысходный трагический зажим двух мировых войн, революции и гражданской войн.

Сохранились более 250 писем 1914–1917 гг. Дочери М.Д. и Э.А. Семеновых-Тян-Шанских, Анастасия и Вера, берегли их как память о родителях, о матери, трагически рано умершей в 1919 г. и об отце, погибшем от голода в январе 1942 г. в блокадном Ленинграде. И как самое дорогое достояние они увезли их в эвакуацию в конце февраля 1942 г. Зная обстоятельства и условия этой эвакуации, становится понятно, что это был подвиг дочерней любви.

Семья Д.П. Семенова. Николай, Ариадна, Евгения Михайловна, Леонид, Александр, Дмитрий Петрович, Вера, Рафаил, Михаил

Теперь о главных действующих лицах. Михаил Дмитриевич – третий сын Дмитрия Петровича Семенова-Тян-Шанского, внук знаменитого географа и государственного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. Он родился 8 мая 1882 года в большой патриархальной дворянской семье – у М.Д. было четыре брата и две сестры. Его отец, окончивший знаменитую петербургскую гимназию Карла Мая, отдал туда четверых (из пяти) своих сыновей. Окончил ее и М.Д. Гимназия Мая на Васильевском острове, отличалась уникальной творческой атмосферой и высоким уровнем преподавания¹.

Нерушимая «майская» дружба соединила не только гимназистов разных поколений, но их родственников. Дружба Михаила Семенова и его младшего брата Шуры² с его однокашником Георгием Парландом и сблизила их с его семьей.

Парланды – потомки русских иностранцев, выходцев из Шотландии и Германии. Как и семья Семеновых, это была большая петербургская семья, в которой было трое сыновей и пять дочерей. Двое выпускников

Столовая в квартире Парландов на 12 линии

майской школы нашли свою судьбу в семье Парланд. Иван Петрашень, который был однокашником Освальда Парланда, и Михаил Семенов женились на сестрах Парланд – Джесси и Эми Вайолетт.

Семья Парланд отличалась разнообразием культурных интересов. Старшая дочь Алиса была художницей, она окончила Школу поощрения художеств, была близка кругу «Мира искусства». Старший сын Херри (Андрей) – студент-юрист, Освальд (Ози) стал инженером путей сообщения. Джесси училась на Бестужевских курсах. Младший брат – Георгий (Жоржик) – студент филолог, имел ярко выраженное литературное дарование. Благодаря матери Марии Николаевне, прекрасной пианистке, все члены семьи Парландов были музыкальны. Любили танцевать и часто устраивали музыкальные вечера. Глава семьи – Андрей Александрович Парланд был заядлым охотником и спортсменом. Его трофеи – чучела зверей и спортивные кубки украшали гостиную. Но занимал он скромную должность маклера Петербургской биржи, поэтому материальное положение семьи было не блестящим, а дочери были бесприданницами.

Для М.Д. необыкновенно привлекательным стал дом Парландов, наполненный душевным теплом и особой гармонией. Возможно, ему не доставало такой атмосферы в его собственной семье. Особенно он сблизился с Георгием и его сестрой Эми Вайолетт, которую как младшую дочку в семье звали Беби. Она родилась в 1886 г. и была на четыре года старше брата Жоржика и на четыре года младше Михаила. Их дружба, начавшаяся в отроческие годы, в юности переросла в любовь.

Михаил Дмитриевич был человеком тонкой нервной организации, в молодости он долго искал свое призвание. Начал учебу в Военно-медицинской

Михаил, Рафаил и Леонид Семеновы-Тян-Шанские с дядей Измаилом Петровичем. 1904 г.

Академии, а когда из-за революционных событий 1905–1906 гг. Академия была закрыта, он продолжал обучение на медицинском факультете в университете Гейдельберга в Германии. Прервал учебу, вернулся в Россию, где окончил естественное отделение Петербургского университета в 1909 году, специализи-

Сестры Парланд: Алиса, Джесси, Маруся, Дези, Эми

Н.Д. Семенов-Тян-Шанский,
В.Д. Семенова-Тян-Шанская,
М.Д. Семенов-Тян-Шанский,
Д.П. Семенов-Тян-Шанский,
денщик М.Д. и вестовой матрос Н.Д.
Петербург, 1910 г.

64

Г.А. и Э.А. Парланд. Около 1910 г.

руясь по географии. Отбыл воинскую повинность и поступил на работу в Министерстве земледелия, где занимался вопросами экономической статистики. Одновременно стал преподавателем географии в третьей классической гимназии.

Свадьбу М.Д и Беби долго откладывали из-за ее слабого здоровья: с детства у нее были слабые легкие. Она лечилась в финляндских санаториях на Карельском перешейке, в семье ее баловали и оберегали. Это, как объясняет ее старшая дочь Анастасия, и стало причиной того, что Эми, единственная из всех сестер Парланд, не получила высшего образования.

Канун свадьбы был омрачен внезапной смертью 25 марта 1910 г. отца Эми Андрея Александровича в возрасте 64 лет. 19 сентября 1910 г. Эми, которую теперь официально именовали Эми (Любовью) Андреевной, венчалась с Михаилом Дмитриевичем.

Через год в семье Парландов произошла другая трагедия, всех глубоко поразившая. В ноябре 1911 г. на охоте застрелился Георгий Парланд. В последний год своей жизни он писал и не окончил автобиографическую повесть³. Написанная под сильным влиянием модного тогда норвежского писателя Кнута Гамсуна, та повесть рассказывала о жизни и проделках трех веселых друзей. Главные герои имеют реальных прототипов – одноклассники «майцы» – Боб – Эгон Гейман, Андик – Шура Семенов и сам автор – Стива.

13 февраля 1913 года в семье Семеновых-Тян-Шанских родилась старшая дочь – Анастасия, которую в семье называли Стана.

Когда думаешь о судьбе этой семьи, вспоминаются простые и точные слова Лары Антиповой, героини романа Пастернака «Доктор Живаго»: «Мы женились перед самою войною, за два года до ее начала. И только мы зажили своим умом, устроили дом, объявили войну. Я теперь уверена, что она была виною всего, всех последовавших, доньне постигающих наше поколение несчастий». Думается, что с этими словами полностью согласилась бы и Эми Андреевна... Ее по-настоящему взрослая жизнь началась в дни суровых испытаний, в самом начале войны ее муж был мобилизован на фронт, а она осталась с полуторагодовалой дочкой на руках. Хорошо, что судьба послала ей в качестве помощницы замечательно добрую и умелую – няню карелку Анисью Андреевну Трайденкову.

Печально знаменитый август 1914-го, ставший необратимым рубежом в жизни страны и мира, обозначил и роковой рубеж и в жизни целого поколения. К счастью, никто из братьев и родных М.Д. не погиб на фронте: ни сам он (хотя был тяжело контужен), ни его брат Николай, морской офицер, воевавший на Западном фронте в морской пехоте, ни третий брат

М.Д. Семенов-Тян-Шанский, прапорщик в парадной форме (слева на груди университетский значок, справа крест Егерского полка), 1915 г.

Шура, участвовавший в 1917 г. в последнем июньском наступлении Русской армии.

М.Д. начал служить в чине прапорщика в 26 Сибирском стрелковом полку. В конце августа 1914 г. участвовал в первой неудачной для русской армии – операции в Восточной Пруссии. 26-й Сибирский полк, в который он был зачислен при мобилизации, предпринял наступление в направлении Граево, чтобы облегчить положение полуокруженной армии Ренненкампа. При отступлении он был контужен разорвавшимся вблизи снарядом. «Настолько близко снаряд разорвался, что к нему солдаты подбежали и говорили: “Ваше благородие, прапорщика Семенова (т.е. его самого) разорвало”»⁴. Утром М.Д. был отправлен в госпиталь с признаками острого помешательства; последнее, что он воспринял сознательно, было то, что Граево оставлено русскими. В госпитале он некоторое время потерял совершенно память, считая, что находится в плену, говорил только по-немецки, не помнил даже имена своих родных, дочери, жены.

В середине сентября 1914 г. старший брат М.Д. Рафаил вместе с братом его жены Освальдом Парландом разыскали М.Д. в госпитале и перевезли его в Петроград. После выздоровления он был зачислен в лейб-гвардию Егерский полк, в котором он начинал свою военную службу в 1910 г. Тяжелые головные

боли и депрессия мучили его еще много лет. Осенью следующего 1915 года М.Д., как офицер, в совершенстве владевший немецким языком, был командирован сопровождать немецкую делегацию Красного креста, которая инспектировала содержание немецких военнопленных в лагерях в Сибири и Дальнего Востока. Зимой 1916 г. Михаил Дмитриевич вернулся в Егерский полк; вплоть до весны он оставался в Петрограде и Красном Селе в запасном батальоне. В апреле Эми Андреевны родила вторую дочь Веру. Но, видимо, рутинная служба в так называемом «безопасном батальоне», в то время, когда на фронте решалась судьба России, его не удовлетворяла. Он подал рапорт и в мае 1916 г., был отправлен опять на фронт. Летом и осенью 1916 г. Егерский полк участвовал в наступлении русской армии и понес большие потери. В сражении у деревень Свинюхи и Корытницы – «Четвертое Ковельское сражение» этот гвардейский полк потерял почти 1000 человек убитыми и ранеными. В этом сражении М.Д. не участвовал по случайной причине – он получил отпуск и как раз в начале сентября 1916 г. ненадолго вырвался в Петроград навестить семью.

После этого неудачного наступления фронт стабилизировался и М.Д. оставался в окопах на передовой вплоть до начала февраля 1917 г., весной 1917 г. он был послан в ближний тыл в эксплуатационную комиссию, обеспечивавшую снабжение остававшегося на передовой полка. Письма того времени особенно интересны как непосредственная реакция на начавшуюся революцию, первоначальную эйфорию быстро сменяет ощущение катастрофы, распада армии, распада России. Осенью 1917 г. М.Д. получил отпуск по болезни. Окончательно демобилизовался он в январе 1918 г., когда Русская армия доживала последние дни.

Началась новая эпоха, эпоха революции, потерь и расставаний навсегда. Жизнь кардинально изменилась. В период с 1917 по 1920 г. в семьях Семеновых и Парландов умерло от голода и болезней или было убито не менее 15 человек. В январе 1919 г. семья Михаила Дмитриевича осиротела: от скоротечной чахотки сгорела Эми Андреевна.

Осколки семей оказались разделенными между странами и континентами.

Этот тектонический сдвиг Михаилу Дмитриевичу хотелось как-то пережить и осмыслить. В начале 1918 года, когда Михаил Дмитриевич на некоторое время остался один в пустеющем, замерзающем и голодающем Петрограде, он начал писать большой роман, роман о своем времени и о себе. Назвал он его «Жажда». Этот роман остался неоконченным⁵.

В публикуемую выборку из переписки Михаила Дмитриевича и Эми Андреевны мы включили письма 1916 г.; ее открывают письма мая 1916 г., написанные сразу после отъезда М.Д. из Петрограда на фронт.

1 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Я не могла писать Тебе эти дни, потому что находилась в таком состоянии, что если б засела за письмо, то сразу же начала реветь. Я и теперь еще совершенно не могу говорить про Тебя спокойно, и до сих пор не спросила девочек⁶, как Ты уехал на вокзал и кто Тебя провожал. Меня это очень интересует, но я боюсь, что я спрошу и тут же начну плакать. Очевидно, у Твоей жены за последнее время немного разошлись нервы и я еще не достаточно окрепла после родов⁷. Ты, пожалуйста, не обращай на это внимания, это все скоро пройдет (видишь, я пишу Тебе совершенно спокойно письмо), и я бы, может быть, не должна была писать Тебе про все эти глупости, ведь Ты ждешь писем, я обязалась писать, а написать что-нибудь другое про себя я ничего не могу, как только то, что я все еще не могу свыкнуться с мыслью, что Ты на войне; и хотя Ты теперь стоишь в резерве, но ведь не сегодня-завтра резерв этот прекратится.

Дети здоровы, Станочка⁸ очень весела, хотя часто Тебя вспоминает и говорит, что ей без папы скучно. «Папа что-то очень долго на войне, мама долго была в больнице, а папа на войне долго», – сказала она мне вчера. Сегодня она спросила меня, почему Ты не взял с собой медведя на войну, что там Ты мог бы играть им. В общем, она всего меньше страдает от отсутствия папы. Папиной второй дочке приходится хуже, она теперь гораздо больше беспокоится и больше плачет. Мне ее безумно жалко, и я, ей Богу, изо всех сил стараюсь, ради нее стараюсь успокоиться и не нервничать. Стараюсь забыть, что Ты на войне и вообще стараюсь о Тебе не думать, и иногда это удается. Я знаю, что я должна жить теперь, чтобы девочка процветала и росла, и надо надеяться, что все скоро образуется и я привыкну. <...>

Сегодня получила Твою открытку, спасибо, что написал так скоро, а она так скоро дошла, все постараюсь исполнить. Напиши, как долго идут мои письма. Целую Тебя крепко, крепко. Обо мне не думай и не волнуйся, я как-нибудь справлюсь сама. Всего, всего лучшего.

3 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Сейчас меня разбудили и передали твое письмо, которое принес солдат, он торопится уходить, а ноты у меня не приготовлены, я просила Ози⁹, и он обещался принести мне что-нибудь легкомысленное, как раз сегодня во вторник. Поэтому посылаю

тебе то, что сейчас нашла в ящике Жоржикиного шкапа, очень их немного, но все спят и я ничего не могу сделать. Перешлю ноты, как и седло, с Кербером¹⁰. Теперь же посылаю Тебе фуфайки и одеяло.

Спасибо Тебе за письмо. Большое, большое спасибо. Ты такой хороший, что пишешь много, и Ты, правда, успокоил меня. Мне теперь гораздо легче, а было так тяжело, что и словами не передать. Дай Бог Тебе всего всего хорошего, может быть и правда, что все образуется, война кончится и Ты будешь цел. Тогда мы может быть с благодарностью вспомнем это время, по крайней мере, будет, что вспомнить. Теперь же у меня такое чувство, что для Тебя быть там гораздо лучше и интереснее, чем торчать в Красном¹¹, там новые впечатления, красивая местность, весна, одним словом, в момент хорошо.

Дети здоровы. Стана первое время по Тебе скучала, часто вспоминала. Верочка из-за моего молока очень беспокоилась, но теперь вчера была опять покойная прежняя девочка. Насморк ее прошел, но кашель немного еще есть, но это уже остатки. Я вчера гуляла первый раз, погода у нас немного теплее, но все-таки сыро и идет дождь. Я рада, что нет солнца и холодно.

Ты очень беспокоишься, как я? Милый мальчик, спасибо Тебе, Ты тоже успокойся и не нервничай. Мне теперь легче, и я привыкла сейчас к мысли, что Ты на войне, если к ней вообще можно когда-нибудь привыкнуть. Только Бога ради, пиши мне всегда правду, и если Тебе дадут новое назначение, пошлю в окопы, обещаю, что напишешь мне сразу.

Ну, прощай, жаль, что письмо у меня не написано и что приходится писать впопыхах. Целую Тебя крепко, крепко. Дай Бог Тебе всего, всего лучшего.

Твоя Беби

Стана целует папу, а няня шлет поклон. Спроси Степана¹², куда положил он ключ от чулана или сарая, где стоят наши вещи? Мама¹³ очень беспокоится, что его нет.

Среда. 4 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

С седлом выходит очень грустно. Гарри¹⁴ был вчера в [Гвардейском] Экономическом Обществе, и там нет седел ни на комиссии, ни так, и говорят, что и впредь не будет, можно сделать на заказ. Но только через два месяца и что-то дороже 200 рублей. Затем Гарри был у Вальтера и Коха, там седел сейчас тоже нет, но могут сделать через три недели со дня заказа – темной кожи английское

седло 215 рублей и светлой кожи 174 рубля. Это седла с уздечками и со всем тем, что полагается седлам иметь. Казацкое седло у Вальтера и Коха можно иметь сейчас за 180 рублей. Гарри очень ругался, что ты не написал, какое седло тебе нужно, походное или обыкновенное, походное, то еще дороже. Он спрашивал еще в манеже, но там ему сказали, что седел вообще в Петербурге нет. Можно бы посмотреть еще в Апраксином рынке в кожевенных лавках, но там, говорят, бывает, что кожа окажется гнилая. Гарри уверяет меня, что тебе проще съездить в Двинск и посмотреть седла там, там они, говорят, наверное есть и, может быть, дешевле Петербурга, тут же, говорят, в данный момент их нет. Какой-то родственник Кириштен¹⁵, артиллерист, который приехал сейчас из Двинска и с которым Гарри беседовал, тоже дает совет съездить в Двинск. В общем, очень глупо, что так выходит и что в полку не предупредили тебя, что ты должен будешь иметь седло и лошадь. Нельзя ли купить седло вместе с лошастью? Я попробую еще поговорить с Шурой¹⁶, может быть, у него есть какие-нибудь связи в корпусе, ведь как-никак, а имеется же там кавалерийское отделение. Когда я что-нибудь узнаю, то напишу тебе, пока же совсем не знаю, как поступить, буду ждать от тебя ответа. Вчера я с солдатиком послала тебе одеяло, кожаную куртку, которую ты забыл и которая может тебе пригодиться, и фуфайки на случай холода.

Думаю, что ты, получив фуфайки, выругался, что я их прислала.

В воскресенье была у нас Аня Шульц она говорит, что Густав пишет, что в Лондоне англичане говорят теперь, что война <3 сл. вымараны военной цензурой>, это такой прогресс, на мой взгляд, что и не рассказать, ведь недавно они говорили, что война только <1 сл. вымарано военной цензурой>, и эта перемена взгляда англичан как живительный бальзам подействовала на мою душу, я совсем взыграла духом. Может быть, и правда, война <2 сл. вымараны военной цензурой>. Ведь правда?

Мы все здоровы и крепко Тебя целуем.

[Штамп на конверте:] *Вскрыто военную цензурой.*

Штамп на конверте: *Петроград. Военный цензор № 1475.*

Пятница. 6 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Поздравляю Тебя с днем рождения¹⁷, крепко Тебя целую и желаю всего, всего лучшего. Боюсь, что письмо не дойдет к понедельнику, что письма

ходят дольше, но рассчитать так трудно. Надеюсь, Миша, что в будущем году мы будем с Тобой вместе, и что к тому времени все образуется. Сегодня приходил Кербер за седлом, он уезжает на будущей неделе и, может быть, если я получу Твой ответ, я поспею купить седло и передать ему.

Теперь же я боюсь, что Ты, получив мое первое письмо, действительно собрался и поехал в Двинск и что вдруг, таким образом, получится два седла. В этом был виноват Гарри, который уверил меня, что достать седло в Петербурге раньше трех недель никоим образом нельзя и только вчера отыскал место, где седло есть и теперь ругает меня, что я будто бы поторопилась Тебе написать, но сам же при этом раньше уверял меня, что лучше и проще Тебе поехать в Двинск. Кербер говорил мне, что до Двинска вам только один час пути, вот не думала я, что так близко.

От Тебя я имела три письма, последнее письмо передал мне солдатик, я послала с ним Тебе одеяло, нож, фуфайки и кожаную куртку, надеюсь, что он передал Тебе их. Я, получив письмо, дала ему на чай 40 копеек, а Кербер говорил мне, что солдатам дают при отправке и при получении посылок по три рубля, что тогда они точно передают письма и посылки, а не то они теряются. Ничего подобного я не подозревала, а кроме того нахожу, что господа офицеры, поступая так и платя так много, деморализуют собственных солдат. Надеюсь, что этот солдатик Тебе посылку передал, а не потерял ее.

Наша жизнь течет по-прежнему, мы снова сидим без прислуги и силы уходят на эту неурядицу и бестолковщину; одно хорошо, что нет времени думать, вспоминаю Тебя из-за суматохи мало и радуюсь, что Тебя нет сейчас с нами, ибо Ты очень страдал бы от нашей жизни. Где же наконец корень зла, что все у нас идет вверх ногами? Чувствую и выгляжу я теперь кажется много лучше и скоро надеюсь совсем поправиться, хожу немного гулять, но дальше 4-й линии не добредала, так как скоро устаю. Завтра нашей дочке месяц, не знаю, выросла ли она, надеюсь, что да и что мое кормление идет ей впрок; во всяком случае она тихая девочка и мало плачет. Ночью спит по-прежнему хорошо. Спит на Твоей постели, рядом со мной. Миленькая она очень и теперь днем гуляет более долгое время, глазки у нее прелестные, только немного грустные, или, может быть, они мне кажутся такими, потому что мне всегда бывает грустно, когда я на нее смотрю. Аля¹⁸ говорит, что она очень похожа на Тебя. Стана трогательно любит Верочку и если та не спит, то Стана все время возится около нее, но

относится очень бережно и совсем не порывается трогать Верочку. Стана удивительно хорошая и милая девочка, в ней ни капли нет ревности и зависти, она совершенно покойно отошла на задний план и уступила первое место сестре, совсем не протестует, что няня и мама теперь меньше времени уделяют ей. Я не ожидала, что она такая хорошая, и скромность ее меня трогает, у нас с Тобой очень милые и скромные девочки, правда?

Трудно мне писать, так как все что-нибудь мешает, то звали кормить и купать девочку, то Стана прибегает со своими вопросами и рассказами. Погода у нас сумрачная и дождливая, так что сидеть в городе не обидно, когда переедем на дачу, ничего определенного не известно. <...>

Дорогой мой, целую Тебя крепко, крепко. Напиши мне, как Ты живешь и правдали, что со временем Ты займешь место Скорина¹⁹ или это Твое предположение только? Если Тебе приходится исполнять полицейские обязанности относительно солдат, то это должно быть не очень приятно.

Что творится у вас наверху, не знаю²⁰. Затем прощай, желаю – всего, всего хорошего в этом новом году для Тебя.

Христос с Тобой, дорогой мой. Мама очень поздравляет тебя, желает всего лучшего и просит извинить ее, что она сама не пишет. Анисья тоже поздравляет и кланяется.

15 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Спасибо большое за письма, пока действительно все идет хорошо, я имею письма от Тебя почти через день, так что в этом отношении все хорошо и я Тебе страшно благодарна, что Ты так заботишься обо мне и часто пишешь. Это время я писала как раз мало, абсолютно не находила времени, днем мечешься по разным делам и с детьми возишься, а вечером так устаешь, что только мечтаешь о постели и все думаешь: Вот отосплюсь и завтра напишу хорошее письмо, и завтра повторяется то же самое.

Вчера солдатик принес письмо часов в 11 вечера, когда я уже засыпала, судьба Соважа²¹ действительно, трагична и поистине неизвестно, где найдешь смерть, казалось бы, все условия в данном случае были за жизнь и о смерти не приходилось думать.

Дай Бог, чтобы Твои предположения относительно исхода войны, были верны, это было бы так хорошо, что даже страшно мечтать, и не верится, чтоб это когда-нибудь могло случиться скоро; тут все склоняются, что до конца еще долго и что надо

запастись терпением. Вам, военным, конечно, все это виднее и я так счастлива, Мишенька, что Ты это написал, ведь уезжая, Ты приготавливался еще на два года, и что-нибудь да значит, что ты теперь переменял свое мнение. Хотя, Миша, в общем, Ты все-таки неисправимый оптимист, в каком-то письме Ты пишешь мне: «все хорошо, что хорошо кончается, будь покойна». Да разве что-нибудь кончилось? Ведь только еще началось, ведь Ты только еще уехал на фронт, и хотя, конечно, пока самые тяжелые минуты, были минуты расставания, но ведь с Твоего отъезда прошло только две недели и эти две недели действительно прошли благополучно. Дай Бог, Миша, чтоб и дальше все было также хорошо и чтобы судьба Тебя хранила для Твоих дочек.

<...> Относительно моего самочувствия, Мишенька, я стала, конечно, гораздо крепче, но все-таки кругом говорят, что я еще бледная и, очевидно, я совсем поправлюсь и отойду на даче, у меня теперь непреодолимое желание спать, я сплю и днем и ночью и, очевидно, наверстываю старое, вообще для своего самочувствия мне хочется на дачу, тут я не только не поправляюсь, но скорей мотаюсь, но там, во первых, не будет известий от Тебя, так что в этом отношении будет много много хуже, а во-вторых, погода такая ужасная, что страшно ехать с детьми, и сегодня, и вчера 5°, дует холодный ветер, а ночью, кажется, было 2°, солнца совсем не видно, погода такая, как бывает поздней осенью и нет даже желания двинуться на дачу, ведь там мы не знаем, как печи и, может быть, мы будем мерзнуть, дрова же там тоже стоят 14 рублей. Такое впечатление, что лета и тепла совсем не будет и жалко, что теперь самое светлое время, а весны все-таки не чувствуешь. <...>

Сейчас пришел денщик Кербера за письмом и седлом, должна кончать, а хотелось бы написать еще многое, главное, ведь я знаю, что это письмо Ты скоро получишь. Ужасно странное чувство, Миша, знать, что Ты где-то в пространстве, не в каком-нибудь одном определенном месте, а неизвестно где и едешь неизвестно куда; знать, что не сегодня-завтра Ты опять, может будешь в бою или что-нибудь в таком роде, а главное, неизвестность, когда все это кончится. Только и думаешь, чтоб все кончилось благополучно, ведь правда, пока все шло счастливо и я должна за все быть благодарна судьбе, я ведь имела Тебя полтора года в доме и я, Миша, ни на что не жалуясь. Я теперь совсем-совсем покойна, так что даже сама себе удивляюсь. Я бы только хотела, чтобы Ты не беспокоился обо мне и детях.

Наши все Тебя целуют и все шлют привет. Анисья кланяется. Поклонись от нас всех и от Анисьи Степану. Если у Тебя все еще холера, пей мятный чай, мама говорит, что помогает, я хотела купить и не поспела.

Целую Тебя крепко-крепко. Христос с Тобой, мой дорогой.

Всего всего Тебе лучшего.

17 мая 1916 г.

Дорогая Булинька, ты, должно быть, ждешь-не дождешься от меня писем, но дело в том, что okazji не было, а если я опущу письмо в почтовый ящик, то, ей Богу, нельзя знать, когда оно дойдет до тебя. Сегодня мы, наконец, добрались до нашей новой стоянки. Последние переходы делали ночью, а последний был очень большой, верст под сорок, но дорога была очень хорошая, и переход мы совершили очень легко. Я ехал на лошади только около шести верст, а все остальное шел пешком, потому что было очень холодно и я боялся смерзнуть.

Под утро был порядочный мороз. Новый наш район удивительно живописен, недалеко от нас имеется женский монастырь, лежащий на берегу живописного озера. Ко времени восхода солнца мы были у этого озера, стояли, делая привал – была удивительная, на редкость сказочная картина. Озеро все дымилось, пар от него поднимался к небу, становился лиловым, в месте слияния его с небом был освещенный берег, который горел яркой желтой полосой, лиловый цвет переходил далее в легкий желтый, зеленый и голубой, а посреди поднимающегося пара сиял зеленым изумрудным цветом небольшой островок. Гиренков²², Рухлов²³ и я – они случайно оказались со мной – мы все как очарованные наслаждались этой картиной. В общем, за неделю мы прошли около 160 верст совершенно незаметно, и я все время чувствовал себя превосходно и наслаждался, поминутно твердя – «Хорошо жить на белом свете».

Новая местность разделила штаб полка на четыре части, так как помещичий дом, предназначенный для нас, оказался тесным – в нем остановился командир, старший полковник. Мы же все разделились еще на три части, и я поселился вместе со Столицей²⁴, который оказался по соседству с нами. У нас очень большая просторная изба, наша комната величиной с нашу спальню, в ней совершенно потонули походные наши кровати. Пока мало мебели – стол и две скамьи, но мы закажем табуретки и заживем припеваючи – хотелось бы на подольше.

Здесь недалеко есть лесное озеро, в нем я намерен ежедневно купаться. Верховой езды также предстоит немало, виды здесь живописны – можно и порисовать. Вообще, развлечений предстоит много, а воздух чудесен, молоко, роскошно – лучшей дачи трудно найти. Последние остановки были в старинных фольварках, которые – благодаря тому, что мы шли по ночам – мне удалось зарисовать более или менее удачно, красок только я извел уйму.

Сегодняшний ночной переход был, однако, тяжелым – шли с пол-8-го вечера, а пришли на место только в 6 утра, попал я в кровать в 8, думал, что сразу засну – но провалялся до пол-10-го, не в состоянии заснуть, и только тогда вдруг как-то удалось уснуть. Проспал до пол-2-го, в 2 встал, а теперь 10 часов вечера и я еще бодр и пишу тебе, моя дорогая.

Вспоминаю о вас очень часто и так же часто вижу во сне, почти каждую ночь и даже днем, когда на минуту задремлю. Сейчас приехали из Петрограда два офицера и привезли твое письмо от 12 мая, очень рад, что у вас понемногу все образуется, только жаль, что ты мне так мало пишешь про детей.

Ну, пока, всего хорошего, Христос с тобой и детьми. Целую тебя и их, а прочим шлю искренний привет.

**4 июня 1916 г.
Дорогой Миша,**

Ози²⁵ не может получить Твое жалование в Министерстве²⁶, ему не выдают, ибо говорят, что доверенность не нотариальна и что там не хватает какой-то марки. Он ходил туда почему-то пять раз. Поэтому, пожалуйста, напиши Ты сам в Министерство, чтобы это как-нибудь устроить, деньги ведь нужны очень. Я не знала об этом раньше, потому что 20-го Ози дал мне свои деньги, так как не хотел идти в тот день в Мин[истерство], а я уезжала на дачу, теперь же он не может получить оттуда деньги говорит, что Ты должен написать туда сам.

Целую Тебя крепко.

10 июня 1916 г.

Дорогой Мишенька,

Только что получила открытку, что вас снова двинули неизвестно куда. Господи, дай вам Боже, всего хорошего и чтобы все благополучно кончилось. Если б ты знал, Миша, как я жду этого конца. Сегодня и в газетах известия, что начались бои и на севере²⁷, только бы у нас снова не оказался недостаток в снарядах, и мы снова бы не остановились на пол-дороги.

Дети и я здоровы, погода по-прежнему холодная и сырая, сегодня два раза шел сильный дождь, один раз с градом. Целую тебя крепко-крепко. Пиши мне. Дай Бог, тебе всего хорошего.

Твоя Беби

30 июня 1916 г.

Дорогой Миша,

Письма Твои я получила вчера, сразу три, последнее от 25 мая, вы все находитесь на том же месте, но настроение Твое, мне кажется, начинает немного падать, изредка попадаются минорные ноты и хотя Ты и не дошел до мрачного настроения Гули²⁸, но уже не смотришь на все так розово. Тебя очевидно томит, что вы все в резерве, а я за это благодарю Бога и желаю только, чтобы только это продолжалось подольше и каждый день радуюсь, читая газеты, что на северном фронте по-прежнему мелкие атаки.

Посылку я Тебе послала столь скромную, только папиросы и пряники, оттого, что я считала, что Ты страдаешь холерой и что точно есть не можешь, но если б я знала, что Ты обрадуешься пряникам, то конечно прислала бы больше. Хотя Тебе посылать так трудно, к еде Ты равнодушен. Книжки? Но многие книжки Ты совершенно не признаешь, и угодить Тебе очень не легко. Теперь летом вряд лимне мне удастся послать что-нибудь. Ты пишешь, что к вам приехал Усов²⁹, приехал он к вам как следует, надолго, т.е. расстался с запасным батальоном или же только в гости? И кто теперь занимает его место? Я так привыкла следить за жизнью Вашего батальона и полка, что теперь очень странно, что я ничего не знаю, что делают те-то и те-то люди. Письма Твои о самом важном и меня интересующем умалчивают, и я собственно о Тебе, кроме того, что Ты здоров и живешь в красивой местности, знаю мало, например, я все-таки совершенно не могу представить, в чем состоит твоя должность, как она называется и временно ли ты ее исполняешь или на более или менее долгий срок. Я все-таки все время утешаюсь, что если и начнется и на вашем фронте, наступление, то в первую голову прорывать фронт вряд ли пустят гвардейскую часть. У Брусилова³⁰ наши дела обстоят блестяще, и сведущие люди говорят, что если дела так будут развиваться и дальше столь же успешно, то немцы принуждены будут отступить. А тогда ведь и конец будет ближе!

Сегодня Духов День, вчера приехал Рафаил³¹, ночевал он у Умновых, но пасся весь день у нас. Очень Рафаил хороший человек, но очень несурраз-

ный, и я знаю, что я часто к нему несправедлива, потому что он-то расположен к нам всей душой, а я так же отнестись к нему почему-то не могу. С одной стороны, он трогает меня своим вниманием, а с другой, выводит из терпения своими длинными спорами и рассуждениями. Я с ним уже несколько раз принималась спорить о повышении трамвайной платы с 5 к<опеек> на 10. Он находит, что эта мера очень своевременна, хороша и справедлива, а я возмущаюсь всеми фибрами моей души и никогда с ним не соглашусь. В общем, все твои родные теперь очень трогательны и внимательны со мной с тех пор, как Ты уехал на войну, даже Евгения Михайловна³², когда я еще была в Петербурге, несколько раз приходила меня навещать, а вчера с Рафой прислала Станочке новые игрушки. А в день Твоего рождения все ваши были у меня и поздравляли с рожденником, это меня ужасно тронуло, потому что ведь в былое время, когда Ты сам был дома, они были бы скорее способны совершенно забыть Тебя. Ваши переехали в Царское, Шура в Красном³³ и, кажется, пока у него все идет хорошо, загорел он очень, и я никогда не видала еще у Шуры такого здорового вида. Если он не попадет на войну, то, безусловно, все это принесет ему только одну пользу. <...>

Твоя Беби

5 июля 1916 г.

Ты пишешь, дорогой Миша, что Тебе очень повезло и что теперь, когда командир отпускает домой три, а не два офицера, Ты увидишь меня скорее, чем предполагал, а именно в декабре. Когда я прочла это, я чуть не заплакала, во всяком случае, была близка к этому. И Ты считаешь, это хорошо? Ровно через полгода и то на 10 дней, а с момента, как Ты уехал, через девять месяцев, я не вижу тут никакого везения, а наоборот, нахожу, что это ужасно. И если Ты хотел меня этим утешить и обрадовать, то не достиг этого, потому что я в глубине души надеялась увидеть Тебя немного ранее.

Относительно же Твоего обещания приехать в сентябре, я не верю ему, ведь обещал же Ты, уезжая, приехать 7 июня. Всюду выходит одна грусть и эта бесконечная война, которая, наверное, еще протянется годы, и вечная мука и страх за Тебя. Теперь еще Вы опять куда-то двинулись, Ты бы написал мне, на юг или на север, ведь этим Ты ничего не скажешь, а мне все-таки легче знать хоть приблизительно направление, где Ты теперь находишься. И отчего это Вас гоняет из стороны в сторону, и сохраняетесь ли Вы еще в резерве, я

не понимаю. Если Вы уже воюете, напиши мне. Зачем скрывать? И все-таки лучше знать правду.

Наша жизнь в тылу становится феноменальна по дороговизне, и я не знаю, к чему все это приведет, одни наживают миллионы, другие гибнут и почти голодают. Дрова в Петербурге стоят сейчас 25 руб<лей>, а между тем масса барок с дровами стоит сейчас в каналах и ждет, чтоб цены еще вздулись, и тогда только торговцы привезут их в город. И это патриоты и все стоящие во главе борьбы с дороговизной знают это и мирятся, а, следовательно, и сами принимают участие во всем этом безобразии. Аппетиты так разрослись, что удержать нет и возможности, и зима обещает по всем данным быть опять трудной. Тут население обнаглело чрезвычайно, и жить с ними ужасно несимпатично. Когда война кончится, обязательно будет какой-нибудь взрыв. Я живу как в тумане, только чтоб как-нибудь день прошел, хочется, чтоб время шло как можно быстрее, а с другой стороны, боюсь опять переезда, чистки квартиры, и всей осенней прелести, уж слишком утомились мы всем этим за весну. <...>

Пока же целую Тебя крепко и желаю всего лучшего. Слава Богу, что пока Тебе живется хорошо, дай Бог, чтобы и дальше так же было. Целую еще раз.

Четверг. 15 сентября 1916 г. 11 часов вечера

Дорогой Миша, вернулась я вчера с вокзала одна пешком. Мне хотелось побыть одной, и я попросила Рафаила меня не провожать, хотя мне и предлагали поехать на извозчике, мне же хотелось движения и физической усталости и одиночества. Идти по набережной было очень красиво, красное небо и силуэт Киевского подворья и вспоминала, что и ты часто ходил пешком домой. Когда глядишь на небо, то еще бессмысленнее кажется война, для чего люди враждуют и убивают друг друга? Ведь главный смысл жизни наверно не в этом? а небо так бесстрастно и спокойно смотрит на людей на их радости и страдания. Я думала вчера, что чувствует Бог, видя как люди нелепо устроили свою жизнь. Но люди сами <...> (16 написанных строк зачеркнуты цензурой) <...>. Все это ужасно темно и непонятно. <...>

20 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Погода превосходная, солнце светит вовсю, хотя холодно. Полк на позиции, и сегодня идет горячий бой. Командир, узнав о [нашем] приезде, приказал нам остаться в обозе 2-го разряда на случай пополнения. Сейчас к полку прикоман-

дировано 13 кавалерийских офицеров, которые и находятся в строю. Сейчас из разговоров со штабс-капитаном Семеновым³⁴ выяснилось, что он живет в вашей бывшей квартире в 10-м номере по 13-й линии, я страшно обрадовался и почувствовал к нему родственное чувство. Он, оказывается, сын бывшего вашего хозяина. Я очень рад, что не сразу попал в сидение на позициях. Ну, пока, всего хорошего, ведь сегодня наш праздник, 6 лет как мы поженились, и, увы, и сегодня мы опять в разлуке, надеюсь, что в последний раз.

Целую тебя и детей, Христос с вами.

21 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Положение дел таково: у нас в полк назначено временно 13 кавалеристов гвардейских полков, полк находится на позиции и каждый день ждут, что придет приказ начать снова наступление. Правее нас дела складываются для нас весьма успешно и соседний корпус уже сильно продвинулся вперед, что конечно, в результате должно сильно облегчить и предстоящую задачу нашему полку. Во всяком случае, неприятель оказывает чрезвычайное упорство, перед нами чистый герман, он переходит в яростные контратаки, снабжен огромнейшим количеством пулеметов, но артиллерия, по-видимому, уступает нашей по количеству, но отнюдь не по качеству. Досадно то, что после боев в начале сентября, когда гвардия с таким трудом отодвинула германа, сменившие их части не удержали захваченного пространства и теперь мы снова стоим на исходном пункте. Во всяком случае, до конца всей операции, которая в случае удачи должна нас чрезвычайно сильно продвинуть до естественных рубежей, а в случае неудачи до наступления неблагоприятной погоды едва ли нас вынут из дела и тебе некоторое время придется быть в повышенно нервном настроении. Хотя я нахожусь вот уже три дня все в обозе 2-го разряда и меня в штаб полка не вызывают, т.е. как я и предполагал, должность моя во время боев мало нужна и вообще мое присутствие вовсе здесь не так уж необходимо, как это думал Москов³⁵, отправляя меня сюда.

Чувствую себя превосходно в обществе Евреина³⁶, Нелавицкого³⁷ и Ильина³⁸. Сегодня потребовали на фронт молодежь, очевидно, для того, чтобы они в сравнительно тихой обстановке попривыкли к чемоданам и прочей прелести. Выбыли у нас еще Глобачев³⁹, сильно контуженный, и Воронов⁴⁰, который за все время войны [не был] на фронте, и у него не выдержали нервы. Конечно,

обстановка может в каждую минуту измениться, могут потянуть и меня, но пока что я в обозе и ты можешь уменьшить давление твоего нервного настроения до самой малой величины. Насколько мне не хотелось уезжать, настолько я теперь доволен, что приехал и нахожусь здесь. Странно – я здесь в десять раз спокойнее, чем был в последние дни в Петрограде. Муза рисования меня покинула, зато меня посетила муза стихотворства и шепчет мне в ухо сладкие звуки не то стихов, не то молитвы, и я рад ее приходу.

Ну, до свиданья, моя дорогая. Целую тебя и детей, Христос с вами.

23 сентября 1916 г.

Дорогой Миша,

Шура завтра собирается идти в полк, и я хочу попробовать послать Тебе письмо через него. Я написала Тебе уже шесть писем, но не знаю, получил ли Ты хоть одно из них. Твоих писем я не получаю. Кроме открытки из Киева. Вчера с грустью и с ужасом убедилась, что Вы в резерве не стоите, прочла объяснения о преображенцах. Раз преображенцы воюют, то и вы если уже не участвуете, то скоро присоединитесь к ним. Вот вам и продолжительный отдых и стояние в резерве на севере! Совсем даже не понятно, как это людям, которые так пострадали, не дать продолжительного отдыха. Ведь передышка была каких-нибудь 4-5 дней, а я думаю, все в полку у вас устали и истомились страшно, а молодежь, которая только что прибыла, совершенно не подготовлена сразу воевать, да и одни чемоданы⁴¹ на них <...> влиять могут.

Шура говорил мне, что вам там нагнали офицеров из других частей, это что-то очень уж бесцеремонно и вряд ли для вас приятно, ведь, таким образом, это получается уже не гвардейский, а обыкновенный армейский полк. Очень боюсь я, что Ты уже принял роту, хотя вчера тот же Шура уверял меня, что это мало вероятно, но ведь у него никаких данных нет. Боюсь я за твою психику, настроение и ноги, должно быть, опять бессонница и мучение, а писем от Тебя так давно нет.

Сегодня мне все вспоминается Твоя песня, которую Ты пел Верочке «Он уехал на войну в чужедальную страну, обещался мне писать, только писем долго ждать». Верочка по-прежнему очаровательна и мила, только с Твоим отъездом стала беспокойна, плохо спит по ночам и уже не такой идеальный ребенок, как была прежде, ночью много приходится мне и Анисье возиться с ней, должно быть, прорезываются зубки.<...>

Анисья с отъезда своей матери не получает от нее писем и думает уже, не ехать ли ей самой в деревню. Если она действительно уедет, то мне будет немного тяжело, так как Вера теперь плохо спит, и я все надеюсь, что как-нибудь дело образуется и она не поедет. Все прочее у нас по старому, только гораздо тише стало с Твоим отъездом. Я два раза обедала у ваших и сидела там вечером, да и там ничего нового нет. К Озе приехала Тибо⁴², но мы ее как всегда мало видали, он, по словам Дези, тоже дома не сидит, а все где-то пропадает, а Ози опять себя плохо чувствовал, у него были приступы малярии. <...>

<Не> хочется видеть посторонних людей и не хочется никуда идти. Я как-то боюсь, что люди начнут меня спрашивать, как я и что, а мне так тяжело им отвечать. День проходит быстро, много времени уходит на детей и время как-то очень проходит незаметно, то надо кормить Веру, то мыть бутылки, соски, кипятить молоко, гулять с ними или пасти детей пока няня стирает. Пока Ты был в Петербурге Ты много занимался с ними и я сравнительно была свободнее. <...>

Напиши мне, не надо ли выслать Тебе теплых вещей и что именно? Как поживает Алексей, поклонись ему от меня. Напиши мне также, как Ты встретился с Квицинским⁴³?

Господи, когда же кончится все это! Целую Тебя крепко-крепко. Христос с Тобой. Станочка так трогательно молится за Тебя вечером. Она Тебя тоже целует крепко...

24 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Сегодня 24-е сентября, когда-то это было у вас очень оживленным днем, сегодня у вас, должно быть, тихо-тихо и у нас – наш полк в линии уже сегодня третий день. Наступать мы не собираемся, немцы тоже наступать не будут, одно скучно, что погода второй день серая и моросит дождь, превращая в липкую грязь местный чернозем. Я скучаю, так как мне до сих пор ничего не дают, по-видимому, я окончательно никому не нужен, а раз не нужен – то зачем я здесь, а не с вами! У вас, по крайней мере, у тебя и у Станочки, я еще нужен. Сегодня уезжает Ковалевский⁴⁴, и это письмо я даю ему, а вчера дал письмо Нотбеку⁴⁵, только я думаю, что тот не доведет письма.

Вчера упорно говорили, что нас сменяют 27-го и нас отводят на отдых в Белую Церковь под Киевом – лучшего, конечно, трудно ожидать, только боишься верить этому, напротив, мы пока

все время находимся в армии Каледина⁴⁶, а этот генерал любит долбить до бесчувствия и считается знатоком прорывов: конечно, дай Бог ему успеха, но лучше бы он придумал какой-нибудь новый способ рвать фронт, чем нами. Говорят, и Государь очень недоволен, что нас так потрепали.

Сейчас так тихо, что даже не слышно выстрелов – здесь это очень редко. Наоборот, совсем мирная картина, кричат гуси, поет петух, стараюсь накликал дождь, малороссы по-своему болтают мягко и красиво, точно итальянцы. Милая Булинька, все было бы хорошо, если бы не было так скучно и не было бы так много мух, которые, несмотря на осеннее время, кружатся и падают мне в кофе, уже двух вытащил из стакана. Алексей чувствует себя превосходно, особенно последние дни, когда аэропланы не летают, так как тучи.

Пока всего лучшего, целую тебя от всей души. Храни тебя Бог. Целую дочек, которыми люблюсь в моем альбоме. Привет всем.

26 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Пока все то же – я без дела в обозе. Злюсь и тоскую отчаянно. Жив и здоров. Целую тебя и детей.

Сейчас получил твое первое письмо, к сожалению, цензура настолько остроумна, что всю твою философию о войне и Боге вычеркнула. Вот уж действительно, кому нечего делать, так это цензоры, думают, что твоя философия может смутить меня и поколебать дух воина. Жаль, жаль, что цензура не на войне, а у вас в Петрограде сидит, должно быть у самой ни капли веры, ни капли уверенности в победе нет, что она занимается такими глупостями. Как бы там ни было, а письмо получил. Спасибо за него. Спасибо Станочке за то, что помнит папу. Христос с вами.

(Продолжение следует)

¹ Как показало время, необыкновенно высокий процент выпускников этой школы стали творческими и высокопрофессиональными специалистами и внесли заметный вклад в развитие науки, техники и культуры нашей страны. Педагогическими достижениями гимназии Карла Мая интересуются до сих пор. О ней написана книга Н.В. Благово «Школа на Васильевском острове».

² Александр Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1890–1979), после революции в жил эмиграции во Франции, епископ Русской православной церкви.

³ В память о Георгии Парланде эту повесть подготовил и издал небольшим тиражом М.Д. Семенов-Тянь-Шанский в 1911 г.

⁴ Год спустя по представлению командования полка Михаил Дмитриевич был награжден орденом Св. Станислава III степени «за отличие в делах против неприятеля».

⁵ Отрывки из романа вместе с сохранившимися письмами родных из Петрограда, написанными в первый месяц войны, опубликованы в журнале «Звезда» в 2006 г. (Михаил Семенов. «Жажда». Главы из романа. Публикация и вытупительная статья М.А. Семенова-Тян-Шанского. «Звезда» 2006, № 11, С. 79-105).

⁶ Очевидно, речь идет о старших сестрах Э.А.

⁷ Младшая дочь Вера родилась 7 апреля 1916 г.

⁸ Анастасии старшей дочери Семеновых-Тян-Шанских, в то время было три с половиной года.

⁹ Освальд Андреевич Парланд (1876–1956), старший брат Э.А., инженер, после революции жил в Финляндии.

¹⁰ Виктор Львович Кербер (1894–1970), подпоручик, друг и товарищ М.Д. по службе в Лейб-гвардии Егерском полку, после революции – авиационный инженер.

¹¹ В Красном Селе находился тренировочный лагерь Егерского полка, где проходила подготовка перед отправкой на фронт.

¹² Степан Решетин, денщик М.Д.

¹³ Мария Николаевна Парланд (1852–1919), урожд. Кюстер, мать Э.А.

¹⁴ Андрей Андреевич (Херри) Парланд (1873–1942?), старший брат Э.А.

¹⁵ Кириштенны, семья богатых петербургских фабрикантов, близкие друзья семьи Парланд.

¹⁶ Александр Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский, младший брат Михаила Дмитриевича, прошел ускоренную военную подготовку в Пажеском корпусе, который окончил в 1915 г, подпоручик лейб-гвардии Егерского полка. Вплоть до весны 1917 г. он не был на фронте и служил в запасном батальоне Егерского полка в Петрограде и Красном Селе.

¹⁷ Михаил Дмитриевич родился 8 мая ст. ст. 1882 г.

¹⁸ Алиса Андреевна Парланд (1874-1938), художница, преподаватель, сестра Эми Андреевны.

¹⁹ Николай Игнатьевич Скорино (ум. в 1965 г. в Брюсселе).

²⁰ Речь идет о родителях М.Д., живших в квартире выше этажом.

²¹ Сергей Иванович Соваж (1875–1916), генерал-майор, командир Семеновского полка, 8 мая 1916 года на передислокации полка к Молодечно был задавлен лошадей, упавшей на него на всём скаку.

²² Гиренков Георгий Георгиевич, штабс-капитан л.-гв. Егерского полка, позже полковник. Расстрелян 2-3 мая 1931 г. в Ленинграде.

²³ Рухлов Юрий. Поручик Л.-Гв. Егерского полка. Пожалован за отличия в делах против австрийцев орденом Св. Анны с надписью «За храбрость».

²⁴ Юрий Сергеевич Столица (1894–1951). Капитан л.-гв. Егерского полка. В белых войсках Восточного фронта; на 1920 в штабе 1-й Маньчжурской дивизии. Умер во Франции.

²⁵ О.А. Парланд.

²⁶ Министерство земледелия, где в статистическом комитете перед войной работал М.Д.

²⁷ Знаменитое Брусиловское наступление началось 22 мая и продолжалось почти четыре месяца.

²⁸ Георгий Шишков, брат подруги сестер Парланд.

²⁹ Сергей Андреевич Усов (1879–1966), в 1914 г. капитан лейб-гвардии, позже полковник л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции во Франции.

³⁰ Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926) – генерал-адъютант, в марте 1916 г. назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного

фронта. В 1916 году провёл успешное наступление, получившее в истории наименование «Брусиловский прорыв»

³¹ Р.Д. Семенов-Тян-Шанский (1879–1919), старший брат М.Д., статистик, земский деятель, умер от голода в Москве.

³² Е.М. Семенова-Тян-Шанская (1854–1920), мать М.Д., умерла от голода в Петрограде.

³³ А.Д. Семенов-Тян-Шанский во время учебы в Пажеском корпусе проходил учебные летние лагеря в Красном Селе.

³⁴ Семенов Михаил Александрович (1894–1965). Из дворян, сын офицера. Штабс-капитан, полковой адъютант л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии с конца 1917, в 1919 начальник команды разведчиков. В Русской Армии в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны в германской армии, командир добровольческого полка «Варяг», затем в РОА. После 1945 – в эмиграции в Бразилии.

³⁵ Москов Платон Александрович, р. 1871, полковник, командир Запасного батальона.

³⁶ Евреинов Андрей Иванович, штабс-капитан. Полковник л.-гв. Егерского полка. В эмиграции в Аргентине. Ум. в 1958 г. в Буэнос-Айресе.

³⁷ Нелавицкий Николай Николаевич, подпоручик лейб-гв.; поручик лейб-гв.; штабс-капитан лейб-гв. (1916), георгиевский кавалер. Начальник штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизий. Погиб (предположительно) 2.11.1919 г. во время Сибирского Ледяного похода, сражаясь с 13-й кавалерийской дивизией красных.

³⁸ Ильин Николай Иванович, подпоручик, потом поручик, затем полковник л.-гв. Егерского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; фев. 1920 командир бригады 12-й пехотной дивизии, в июне 1920 командир бригады 34-й пехотной дивизии.

³⁹ Глобачев Иван Владимирович, поручик л.-гв. Егерского полка, контужен 19 сентября 1916 г. у дер. Корытницы.

⁴⁰ Воронов Александр Алексеевич. Полковник л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. Галлиполиец. Ум. в 1963 г. в Болгарии.

⁴¹ Чемоданы – тяжелые немецкие мины.

⁴² Мария Эмильевна Парланд, урожд. Сеземан (1878–1942), жена О.А. Парланда.

⁴³ Квицинский Борис Иосифович (1868–1934), командир лейб-гвардии Егерского полка (2.03.1916–10.04.1917), генерал-майор. Умер во Франции.

⁴⁴ Ковалевский, однополчанин М.Д.

⁴⁵ Фон Нотбек Владимир Владимирович (1895–1956), штабс-капитан, георгиевский кавалер (1917). Капитан л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. Подполковник. В эмиграции в Югославии, затем в Бельгии.

⁴⁶ Алексей Максимович Каледин (1861–1918) генерал от кавалерии, командовавший в 1916 г. 8-й армией нанес главный удар в соответствии с планом, разработанным Брусиловым. 25 октября 1917 года выступил с обращением, в котором объявил захват власти большевиками преступным. 26 ноября 1917 года власть в Ростове и Таганроге захватили большевики. Каледину, по его словам, «было страшно пролить первую кровь», однако он вступил в вооруженную борьбу. 28 января 1918 генерал Корнилов известил Каледина о решении отвести Добровольческую армию на Кубань, в тот же день генерал Каледин покончил с собой выстрелом в сердце. В своем предсмертном письме он объяснил свой уход из жизни «отказом казачества следовать за своим атаманом».

ABSTRACT

Semenov-Tyan-Shansky M.A. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, POMI RAS.

Zadneprovskaya A. Yu. – Candidate of Historical sciences.

LETTERS FROM 1916

(LETTERS FROM THE ARMY TO PETROGRAD AND FROM PETROGRAD TO THE ARMY)

In this publication – wartime correspondence between husband and wife – Mikhail Dmitrievich Semenov-Tyan-Shansky and Emmy Andreevna (in girlhood Parland). Correspondence covers the events of May-December 1916. The first part of the correspondence is published in this issue: May – September 1916.

Keywords: World War I, Petrograd, front, army, family, M.D. Semenov-Tyan-Shansky, E.A. Parland.

Письма из 1916 года

(Письма из действующей армии в Петроград
и из Петрограда в действующую армию)

История Петербурга | №77 | 2019

Аннотация. В этой публикации – переписка военного времени между мужем и женой – Михаилом Дмитриевичем Семеновым-Тян-Шанским и Эмми Андреевной (в девичестве – Вайолетт). Переписка охватывает события мая-декабря 1916 г. В этом номере публикуется вторая часть переписки: конец сентября – ноябрь 1916 г.

Ключевые слова. Первая мировая война, Петроград, фронт, действующая армия, семья, М.Д. Семенов-Тян-Шанский, Э.А. Вайолетт.

(Продолжение следует)

28 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Сегодня получил от тебя сразу четыре письма и одну открытку от Андрея Петровича¹. Большое спасибо за то, что ты не ленишься писать мне, очень радостно получать вести из дома, особенно когда томишься без дела, как я теперь. Мое положение нисколько не изменилось, я все время нахожусь при обозе, полк же по-прежнему на позиции. Погода превосходная, тепло, каково не было у вас на даче. Солнце светит вовсю, теплый ветер с юга — чего же лучше, а по ночам знаменитая малороссийская луна освещает своим таинственным светом белые хаты. На фронте по-прежнему канонада, у нас на позициях тихо.

Ну, пока всего хорошего. Извини, что мало пишу, — но не хочу ничего писать. Целую тебя и детей. Храни вас Христос. Сегодня выяснилось, что я назначен в учебную команду — временно. Т.е., временно я буду существовать при обозе 2-го разряда.

30 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Все идет по-прежнему — я в обозе, полк на позиции. Погода хуже стала, и от ее меланхолического настроения меланхолия проникает в душу и становится очень тоскливо. Но это преходящая ерунда. Вот что: очень прошу тебя пойти к Вольфу² и купить или переслать мне книгу В. Джемса³, название ее я забыл, — но о ней всегда говорил Лёля⁴, она есть у Вани⁵, и я ее хотел купить, когда мы жили с тобой в Левашове. Ну, Христос с тобой. Целую тебя и детей. Напиши, как у вас обстоит с кухаркой и получением из полка продуктов. Привет всем.

3 октября 1916 г.

Дорогая Булинька,

У нас все то же — полк по-прежнему на позиции. Каждый день обещают его снять, и каждый день он по-прежнему остается. Все это уже не так весело. К нам в обоз прибавился Кербер, который страшно изменился нравственно. Как-то ужасно постарел, жаль его очень⁶. Приехали из Петрограда двое молодых, и один уже отправлен в госпиталь — у него воспаление легких. Я имею очень много занятий в учебной команде, и от этого время, конечно, бежит быстрее — но все-таки остается время мыслить, и тогда невесело становится на душе. Третьего дня и вчера была великолепная теплая погода, летали аэропланы, но к ним я совершенно равнодушен. Сегодня с утра дождь и грязь отчаянная. В хорошую погоду, как вчера, приятно смотреть на небо, где ползут румяные тучки и треугольниками пролетают на юг гуси. Вчера получил от тебя письмо от 22 сентября. Конечно, для меня радость получать письма, — но, дорогая, я иногда ужасаюсь, как я постарел. Мысли у меня старые и хочется покоя. Читаю много, но все это не то.

Ну, пока до свидания. Целую тебя и детей. Христос с вами.

13 октября 1916 г.

Дорогой Миша,

Сегодня Станочка за завтраком сказала: «Что-то папочка наш делает» и задумалась. И так бы мы с ней много дали, чтоб действительно знать, что-то Ты делаешь? Вести от Тебя нет с 24, а в полку Шура тоже ничего мне не узнал. Верочка Твоя такая душенька и жаль, что Ты не видишь. С Твоего отъезда она еще больше развилась, тянется за Станочкой, играет в игрушки и особенно полюбила ее безглазого Ваньку, помнишь, которого Ты подарил Стане в прошлом году. Вере нравится его красная рубашечка, и она тащит в рот или его голову, или ноги, твою брекатушку она тоже любит и играет ей. В пятницу ей будет уже полгода, Боже, как быстро идет время и только одна война, как будто стоит на месте. У нас все по-прежнему, ничего-то мы хорошо не знаем и масса сил уходит на борьбу, чтоб получить какие-нибудь продукты. В полку твоём хотя и дают мясо, но очень по-немногу, фунта три и Алексей⁷ приносил все гораздо лучше, чем кухарка, но конечно, надо и за это быть благодарным. Твой пай в Гвардейском надо тоже обменять, ибо на этот год он уже недействителен, а для обмена нужна какая-то твоя доверенность, я сама еще не была там и не знаю, но так меня по крайней мере уверяет Ариадна⁸. В Гвард<ейском>⁹ встретила Веру Анненкову и говорила с ней. Она замужем за каким-то Шателен. Муж ее артиллерист на фронте, живет она, кажется, с родителями мужа и, по ее словам, страшно счастлива, есть у нее и двухлетний сын. По словам Ари, она очень мила и элегантна, муж ее,

кажется, по образованию технолог и после пяти дней знакомства он сразу же сделал ей предложение, женихом и невестой они много ругались, но теперь обожают друг друга. Это все передала мне Ариадна, как это она успела все узнать от нее в Гвард<ейском> Общ<естве>, я не берусь Тебе сказать и за достоверность тоже не ручаюсь.

Хотелось бы мне только знать, вспоминает ли иногда Верочка Анненкова¹⁰ Жоржика или же окончательно его забыла? Еще Ариша была у Кати Галати, и та очень расспрашивала о Тебе и о твоих детях. Ее очень интересует, какие дети у Миши Семенова? Я сказала Аре, чтобы она позвала как-нибудь Катю Галати с ребенком к себе и что я приведу тогда девочек, и что дочки Миши Семенова очень хорошие. Сдается мне все больше и больше, что Катя Галати была к Тебе равнодушна, уж очень большой интерес она к Тебе сохранила. <...>

3 октября 1916 г.

Получила, милый Миша, сейчас Твои две открытки. Ты, правда, пишешь теперь редко, зато каждое письмо для меня праздник. Цензура, которая задерживает мои письма, действительно глупа, потому что я ничего ровно там не писала. Вся философия моя о войне состояла том, что я написала, что мне представляется, что Бог оставил людей самим распутывать всю кашу, которую они заварили и что только каждого убитого солдата Он целует и думает: «Глупые люди, когда вы опомнитесь и перестанете воевать», и при этом Он горько улыбается и ждет, чтобы люди сами перестали проливать кровь друг друга. Вот Тебе то, что я написала в письме.

Когда Ты уехал, передо мной опять встал вопрос о войне и эта мысль показалась мне красивой я представила себе, как Христос склоняется и целует солдата и что Он тоже недоумевает, зачем эта война и жалеет людей, но люди так далеко зашли, что Он уже не в силах им помочь и ждет, чтоб они сами прекратили войну. Я и написала Тебе об этом в письме, совершенно не думая, что это покажется крамольным господам цензорам и что вообще это способно кого либо смутить. Право очевидно, в Цензуре или совсем нечего делать, а я теперь стала гораздо осторожнее, чем была в прошлом году в своих письмах. Я обрадовалась сегодня, что Ты получил хоть какое-нибудь занятие, а то бездеятельность способна кого угодно известить. Ты только совсем ничего не пишешь, как Твои нервы и боль в ногах. Будь добр, напиши мне об этом.

Когда Шура был у Кутеповых, то те тоже говорили, что вас должны отвести в резерв, но пока об этом ничего не слышно. Сегодня Шура мельком говорил мне, что о тебе очень справлялся раненый Б. Шура до 7 находится на свободе, а после начнутся занятия в полку и он очень их трепещет и, по видимому, жалеет, что кончилось его пребывание в корпусе¹¹, там жилось беззаботнее. <...>

20 октября 1916 г.

Дорогая Булинька

Пользуюсь оказией. У нас все по-прежнему. Вчера по всему фронту здорово грохотало, сегодня же совершенно тихо. Полк сегодня сменяется на 6 дней. По всем видимостям такое положение продлится всю зиму и все разговоры онашем отводе останутся пустыми разговорами. Убивает грязь и мокрота. Местные Пенелопы говорят, что здесь иной зимы не бывает. От тебя что-то давно не было никаких известий, последнее от 9 октября, т.е. почти две недели. Что у вас творится? Как вы устроились с продуктами? Крайне интересно. Если будешь посылать посылку, то пришли мыло, теплых вещей, кроме папах, пока не надо.

Всего доброго, целую тебя и детей. Христос с вами.

А.Д. Семенов-Тянь-Шанский в форме (слева на груди университетский значок, справа крест Егерского полка и мадьярский крест Пажеского корпуса), октябрь 1916

26 октября 1916 г.

Дорогой мой Миша,

Как же это все-таки Тебя угораздило свалиться в яму, а главное, как Ты оттуда выбрался? Ведь если грязь такая липкая, то в темноте вылезти было почти невозможно одному, и неужели же ты там до утра просидел? И как нехорошо, что теперь Ты кашляешь и грудь болит. В первую минуту я подумала, как жаль, что Ты не сломал себе руку или ноги, приехал бы к нам, это было бы такое счастье. Но может быть, так к лучшему, не дай Бог ломать руки и ноги по-пустому. Напиши мне все-таки, как Твое самочувствие и сильный ли кашель? Ты спрашиваешь как обстоит у нас дело с продуктами? Мы находимся еще в удивительно хороших условиях, так как из разных обществ все-таки получаем все гораздо дешевле и только требуется затрачивать массу энергии, чтобы всюду не пропустить свою очередь. Из полка дали теперь точный список продуктов и в каком количестве Ты имеешь право их получить как женатый офицер. Дают они в месяц много и все дешево, скучно только то, что дают всего понемногу зараз.

Начала писать и не могла кончить, так как помешали: пришла Вера¹², потом к обеду пришел Ваня¹³, после укладывала детей спать; затем опять пришла Вера, которая сегодня изливала мне свою душу, затем Шура и Дези с Ник<олаем> Вас<ильевичем>¹⁴. Как видишь, бедлам страшный, все это очень мило, но немного утомительно, тем более что у меня насморк и чувство лихорадки. Заразили меня дочки Стана и Верочка, у них прошло, а у меня простуда кажется сильнее, чем у них. <...>

Николай Васильевич рассказывал только подробности взрыва на «Марии»¹⁵, там была адская машина, третья по счету. Две удалось обнаружить раньше, а эту прозевали. После этого в Севастополе начались массовые обыски и его тоже задержали в городе на 4 дня, так как и он был в Севастополе. Вообще безобразие, что такие вещи происходят.

Дорогой мой, как хочется иногда тебя увидеть. Твои письма последние такие печальные. Я все надеялась с каждым письмом, что тоска твоя пройдет и Тебе легче будет, да что-то она уж долго держится, должно быть тут и погода виновата. Сидеть в грязи без возможности гулять, ведь это ужасно. Надо только утешаться, что когда тучи, то аэропланы не летают, у нас тоже солнца нет. <...>

Верушенька все еще кивает головкой. <...> Кивает головкой, а хохолок волос тоже кланяется, и еще больше становится она похожа на маленькую хохлатую птичку. Любит она теперь бульон и ужасно радуется, когда его ест. Не знаю, идут ли у нее зубки, только спит по ночам она теперь плохо, просыпается часто и скандалит, и мне так не хочется просыпаться и ее кормить. А Лыжин¹⁶ просил меня не бросать кормления, так как с молоком в Петербурге очень скверно. Все молоко, которое приносит молочница и которое покупаем, или разбавлено водой, или же туда что-нибудь примешано. Только еще детское молоко с фермы пока хорошее, но надолго ли? <...>

27 октября 1916 г.
д. Михлин Волынской губ.*Дорогая Булинька,*

По-прежнему безумно тоскую, бывают отчаянные минуты какой-то тупой и черной апатии ничего не нужно — а только тоска, тоска. Конца не видно этой тоске. Читаю французские книги, сейчас закончил *Thais*¹⁷, оказывается, я довольно хорошо знаю язык и мне не составляет труда читать по-французски, если есть дома французские романы, которых не жалко, то пришли их мне — все-таки для меня будет хоть какая-нибудь польза от них и от пребывания здесь. Отчего тоска, не знаю, от того ли, что осень, что природа здесь бесконечно уныла, или от того, что устал душевно — черт его знает, но удивительно тоскливо. Последнее время погода несколько оправилась, днем тепло, светло и сухо, а ночью малороссийская луна зеленил малороссийские хаты, — только от этого легче не становится.

В этом письме посылаю тебе маленький осколочек от ручной гранаты, который поцарапал мне вчера руку, когда я обучал команду метанию гранат, это, да изредко налет аэропланов — вот все наши развлечения, которые дает наше здешнее пребывание, — не очень-то густо. Письма от тебя редко, родственники совсем не пишут — хоть бы Шура удосужился написать, что происходит в батальоне, а то точно все забыли меня. Здесь в полку страшно все недовольны безопасным батальоном, как здесь называют запасный батальон, и Москову¹⁸ грозит весьма большая неприятность, — по-видимому, здесь решено окончательно его убрать. Только это не распространяй. О, как бы хорошо было бы сейчас быть вместе с тобой в Гельсингфорсе, быть совершенно свободным и забыть все, весь свет, кроме того, что я люблю тебя. Мечты, мечты, где ваша сладость? <...>

Дорогая Булинька,

Первые плоды моей осенней музыки я посылаю тебе, может быть, ты одобришь ее робкие песни, вызванные тоской по тебе. <...>

Орудий грохоту внимая,
Ловить приметы я привык;
Надеждой сердце обольщая,
Люблю туманный их язык.
Когда случайно месяц юный
Я вижу с правой стороны,
В моей душе мечтаний струны
Играют, радости полны.
Но если месяц бледноокий
Сверкнет в тумане слева мне,
Уже я жду — удар жестокий
Мне жизнь готовит в тишине.

Пока хватит, думаю, что Муза еще раз посетит меня и тогда напоеет еще что-нибудь.

Вчера я расстался с Алексеем, который непонятно где схватил трахому и теперь находится в 374 передовом госпитале, надеюсь, что он скоро поправится. Временно взял денщиком дважды раненого, который был в мирное время у одного из офицеров полка. На днях к нам приезжал командир полка.

Справился о моем самочувствии, я сказал, что чувствую себя хорошо. Нога дает себя чувствовать умеренно и изредка. Но комендантство от меня ушло по-видимому уже безвозвратно. Тоска меня одолевает довольно часто, можно сказать, каждый день, серая, скучная тоска, — такая же серая, как погода, грязь непроходимая, вообще все гадко, гадко и гадко, и настроение глупое. Сегодня на позицию выезжает снова Кербер, который более или менее поправился. Сегодня же полк снова сменяет Измайловцев и будет стоять 6 дней. Вообще наш участок вследствие распутицы делается пассивным, т.е. никаких наступлений сейчас не предвидится.

Постепенно начинают новые офицеры приезжать к нам. Полк принимает снова Егерский вид, — впрочем, не полк, а обоз, так как наконец у нас пришли к заключению, что нельзя держать всех офицеров впереди, — что необходимо иметь некоторый запас их. За 15 июля командир полка представлен к золотому оружию. Можно сказать жаль, жаль, — но, как всегда, наш полк еще не успел написать представления к награждению офицеров. Жаль, жаль.

Ну, пока всего хорошего. Христос с тобою. Храни тебя и детей Христос.

Целую вас всех.

2-3 ноября 1916 г.
Деревня Михлин

Дорогая Булинька,

Сегодня получил посылку — полушубок, шинель, папаху, чулки, мыло и съедобные вещи, а также папирсы. Большое тебе спасибо за присылку, — но прости меня, а полушубок или теплую шинель, что — я еще не решил окончательно, я отошлю тебе обратно — ибо пока мы стоим здесь, а стоим мы, по-видимому, очень прочно, я в теплых шубах не нуждаюсь. Сегодня 2-е ноября и здесь в первый раз мороз, вообще же здесь настоящей зимы с морозами не бывает и пока что я не ощущаю холода. Очень был обрадован папирсами, так как здесь они страшно дороги. Еще более обрадован длинными письмами, после них было такое ощущение, точно я побывал у вас в Петрограде. Сегодня же получил письмо от Алексея — оказывается, его эвакуировали в Петроград. Я очень жалею об этом и сегодня же пишу Мартынову¹⁹ с просьбой позаботиться о нем. Беспокоит меня и участь Джемса, я так его

М. Д. Семенов-Тян-Шанский, 1916

и не получил. Попроси Шуру навести о нем справку в полку — с кем его ко мне пересылали? Затем еще раз прошу достать французско-русский словарь, издание Антик, лучше в папочном переплете. Сегодня второй день мороз — это, во всяком случае, лучше грязи последних дней. Скука и тоска здесь непомерная и, можно сказать, безнадежная — хотя мне иногда кажется, что мы находимся уже в последней стадии войны и конец должен быть ближе, чем мы представляем. В ближайшее время надо ждать нового морского сражения англичан с немцами. Неудачное для германа наступление в Румынии, неудача с набором поляков заставят их искать единственный еще выход, где они могут надеяться на победу — на морское сражение. Конечно, реального значения морская победа иметь не может, разбить английскую блокаду невозможно — но некоторый моральный отдых после года неудач оно дать может. Но это будет последняя попытка, если же флот окажется сразу разбитым — то сразу же будет просьба о мире. Война на исходе — оттого, может быть, так тяжело сидеть здесь, когда чувствуешь близость конца, но только еще не знаешь, когда. <...> напиши фамилию Веры²⁰ — кажется, Коноплева, — но я боялся перевернуть и потому написал ей девичью, как бы по рассеянности. Получила ли ты в Министерстве²¹ прибавку — если нет, то узнай, почему — для этого можешь позвонить Морачевскому²² и спросить его. Пока же всего хорошего. Кекс вышел очень вкусным. Целую тебя и девочек. Христос с вами.

8 ноября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Ко дню моих именин у нас установилась зима, правда, снегу немного, но все-таки лежит, речки, озеро и болото замерзли и стало вообще холодно, и я уже простудился и получил насморк, боль горла и все, что дополняет легкую простуду.

Сегодня у меня будет легкий фестиваль — приглашенных много и чем угостить, будет тоже — начинается все в 5 часов вечера с шоколаду с кренделем, затем все постепенно переходит в легкий ужин с напитками под чарующие звуки граммофона. Чем кончится, предвидеть трудно. Сейчас мне в подарок начальник хозяйственной части Сокович прислал 1 бутылку коньяку — чем меня тронул до чрезвычайности. Если бы не тоскливая обстановка, было бы совсем хорошо. Тоска усиливается еще тем, что знаю, что у вас сегодня проводы Шуры на войну. Думаю о маме — вот кому должно быть здорово тяжело. Жаль, жаль, что его вызывают так скоро. Тем более жаль, что придется тосковать в окопах без особого дела — хотя, быть может, молодых еще оставят здесь при маршевом батальоне. Слухов о нашей дальнейшей участи колоссально много — но слухи, по правде сказать, здорово надоели и к ним относишься равнодушно. Кавалеристы нас на днях покидают, и я надеюсь, что и до меня дойдет командование ротой — а то здесь в команде однообразие занятий нагоняет безумную тоску, начинаешь придумывать себе развлечения, вроде раздачи полтинников хорошо колющим егерям или еще что-нибудь в таком роде. На днях к нам приедет Квицинский²³, и я тогда надеюсь беседовать с ним на тему, что я благодарен за то, что меня почему-то берегут, — но что считаю это несправедливым и ненужным, раз я сам добровольно приехал. Ты, пожалуйста, не бойся — лучше попривыкнуть в окопах, чем сразу, как покойный Ниротморцев, попасть в бодание, не зная ни людей, ни обстановки, и быть, как он, убитым. Ведь и он был в учебной команде, вызвали его в 10 утра, а уже в три он был смертельно ранен²⁴. Ну, да там будь что будет.

Ты тоскуешь, что я мало пишу — действительно, я пишу мало, — но что делать — не хочу тебя заражать моим тоскливым настроением, которое теперь является господствующим. Стараешься как можно более аккуратно ходить на занятия и тогда не замечаешь времени. Встаю я в 7, в 8 уже на занятиях до 12 часов, затем до 2-х перерыв и обед — стараешься не быть одним, с 2 до 6 — занятия, а там опять идешь в Собрание и из-за темноты застревашь до позднего времени, т.е. до 9 часов, чтобы не ходить в темноте и по грязи взад и вперед, и ложишься спать — и так каждый день, обращаешься в машину и бываешь рад, когда не даешь работать мысли, — чтобы не ощущать тоску.

Бессмысленная жизнь — вот идеал, которого хочешь достигнуть. Разве же могу я писать в это время!

Ну, пока всего хорошего. Целую тебя крепко — тебя и детей. Храни вас Бог. Теперь у тебя с мамой²⁵ общие интересы, может быть, вы сойдетесь ближе друг к другу. Фотографии эти посылаю Стане.

Дорогая Станочка, Сегодня у нас тепло. Светит солнышко, и снег уже весь растаял, — растаяла и лужа, о которой я вчера тебе писал. Гуси очень обрадовались и стали в ней купаться, а вода в луже была грязная и гуси все стали грязными. Петухи все время кричат и говорят дождик будет, а на небе ни одной тучки и солнце блестит. Кошка, которая приходит в гости к папе, села на окошко и моется, должно быть, зовет гостей, — это дядя Шура едет сюда. Сегодня, когда папа занимался с солдатами, прилетел немецкий аэроплан, он бросил три бомбы, — но ни в кого не попал. Тогда стали в него стре-

лять из пушек и он скоро улетел. В этом письме папа присылает карточки, — это немецкие карточки, ты покажи их бабушке, тете Але, няне и дай потом маме, пускай их мама бережет. В папины именины было весело, был очень вкусный шоколад и крендель. Папа дал крендель собаке Шарик, и Шарик был очень удивлен, громко лаял и махал хвостом.

Ну, до свиданья, моя милая дочка, поцелуй Верочку и маму крепко крепко.

Твой Папа

13-14 ноября 1916 г.

Милая, дорогая Булинька,

Ты хочешь знать, отчего я не комендант, отчего я в учебной команде и надолго ли? Милая моя, ты знаешь, что я ехал сюда без всякой охоты, ехал потому, что думал, что полку нужен каждый офицер, который только способен еще действовать умом. Приехал я сюда и понял, что я-то, во всяком случае, никому здесь не нужен. Не нужен, потому и не получил обратно моего комендантства, и это было подчеркнуто еще тем, что через неделю после моего приезда назначили комендантом другого.

В окопах оказался ненужным тоже, — ну, меня и оставили в учебной команде — где я тоже, должно быть, не нужен. Не нужен я был и раньше — этому доказательство в том, что несмотря на то, что 15 июля я все-таки кое-что делал, находясь на передовых позициях, я никакой за это награды не получил и не получу, хотя все офицеры, которые даже не были тогда в деле, получают награды. Тяжело, Булинька, быть ненужным. Увы, я слишком был идеалист, меня мучила совесть, что я, призванный на защиту родины, сижу в Петрограде, в то время как другие сидят в окопе. — Булинька, все это оказалось не тем — в окопах сидят глупые и безвольные мальчишки, а все другие сидят в тепле и уюте и только смеются над теми, кто принесит себя в жертву. В наши дни смешно быть идеалистом, смешно иметь совесть. Возьми хоть такой пример — 15 июля — день победы нашего полка, наше дело помогло многому в этот день, помогло нашим соседям Преображенцам, которые заняли ночью пустое Райместо, — за 15 июля командир Преображенцев Дрентельн²⁶ получил золотое оружие, а наш не представлен даже к очередной награде. После 3-го и 7-го сентября к нам в полк были приглашены на гастроли 13 кавалеристов, в то время как 13 наших коренных офицеров находятся в безопасных командировках. Теперь к нам приехало 15 мальчишек — а старики остаются в Петрограде. Зачем им сюда ехать! Ведь эта же молодежь тянет их в производство — а в Петрограде нет ни снарядов, ни пуль, ни аэропланов.

Что такое любовь к родине, что такое гражданский долг! — Булинька, все это слова, и человек, который искренне их исповедует — тот ненужный, лишний человек. Есть отчего получить тоску. Много гадкого вскрывает война — но у нас она, кажется, вскрыла чересчур много, и так горько и трудно видеть, что из-за мелкого торгашества людей погибло так много других более достойных жизней. О, если бы я мог отсюда вырваться и на все наплевать — ведь я ничего не могу сделать, я только могу все впитывать в себя, как губка, и от этого тосковать. Обиды личные, обиды общественные, обиды за товарищей, обиды за Россию — все это приводит меня в то состояние, в котором я сейчас нахожусь. У меня слишком много времени, чтобы думать, вот почему хочется в окопы, где времени не будет для мысли, где, возможно, пройдет и эта тоска. И представляется мне Россия огромной навозной кучей, от которой идет душливый смрад. Горько разочароваться в том, что любил, во что верил. Как зло, как ужасно слышать: «У нас еще хватит на сколько угодно времени людского материала». Быть этим людским материалом, этим навозом для благополучия мерзавцев — это слишком тяжело. А ведь наш солдат есть только людской материал, в этом я теперь убедился, состоя в учебной команде. Что такое Россия, куда идет она? Безвольная серая масса, не она идет, а ее ведут, и ведут ее ее же враги. Нет, дорогая моя, в эти дни, когда видишь так много, завидуешь тем, кто ушел уже от жизни и жалеешь, что не ушел вместе с ними.

Ты пишешь мне все, что я нужен вам, — охотно верю, — но что я могу дать детям — я-то сам во всем так разочаровался, что не смогу дать им ни любви, ни веры в родину — ради которой я нахожусь здесь, вместо того, чтобы быть с вами. Для меня самое обидное то, что я всем дорогим пожертвовал — но оказалось, что жертва-то моя не только не принята, не только не нужна, — но жертва моя смешна. Ведь это уже отчаяние! Я пишу тебе и плачу — потому что так больно чувствовать, что все, во что верил, что хранил и берег как свое лучшее и святое — все это оплевано, все это не нужно. Я никому не нужен, потому что я слишком был чист, и горе мое в том, что и дальше я никому не буду нужен, потому что несмотря ни на что я всегда останусь тем, чем я был. Отчего я в команде временно, ясно уже из того, что учебная команда — временное учреждение, я попал к началу ее, срок обучения ней два месяца; теперь срок этот как раз кончается, оставят ли меня в новой команде, соберут ли вообще

новую команду — этого я не знаю.

Вчера приехали Шурины товарищи, большинство из них зеленая молодежь, какие-то едва оперившиеся чижики. И сразу же их всех посадили в окопы, так как полк вчера заступил на позицию. На позициях сейчас, как будто, тихо. Последние дни была ясная погода, что дало возможность летать германским аэропланам. В среду было очень интересно — прямо над нами кружил германец, который уже успел не-вдалеке сбросить бомбы. Я был на тактических занятиях с моим взводом, взвод лежал рассыпанный в цепи. Вокруг аэроплана рвались наши шрапнели, и все осколки их сыпались с легким свистом вокруг нас и падали совсем рядом. В четверг немец снова появился над нами. Он выпустил какую-то сигнальную ракету — но в это время его атаковали три наших аэроплана и немец, завидя их, стал быстро удирать. С невыразимой высоты немец стал быстро спускаться вниз, в проходящее внизу облако. Наш шел за ним, обстреливая его из пулемета. Немец старался удрать, но наш его нагонял, — все ниже спускался герман — и говорят, он все-таки был повержен нашим аэропланом, к сожалению, на линии немцев. Аэропланное развлечение подняло несколько настроение.

Посылки твои я все получил, кроме Джемса, который еще едет с другими посылками. Письма ваши я тоже все получил и очень вам благодарен за них. Рафино письмо я получил тоже. Все, что ты пишешь, очень грустно, но даст Бог, все образуется. В общем, Штюмера²⁷ уже нет — это, как-никак, реальная победа Думы — надо надеяться, не последняя.

Ну, пока всего лучшего. Храни вас Бог. Целую тебя и дочек. Привет всем.

21 ноября 1916 г.

Деревня Михлин Луцкого уезда Волынской губернии

Дорогая Булинька!

Опять подряд два праздника²⁸ — в другое бы время радовался этому, а здесь такая тоска, что не знаешь, куда деться. Несчастье мое еще в том, что не могу долго спать, встаю, как и в будни, от этого праздничный день становится еще длиннее. В моей же комнате сидеть не приходится, так как мои сожители имеют обыкновение долго спать. Читаю, но все время читать невозможно — устаешь читать и тогда не знаешь, что делать. Вчера, наконец, получил Джемса, который к несчастью в дороге пострадал, так как облит керосином. Третьего дня получил французские книги. Так что все, что ты посылала, я получил.

Э.А.Семенова-Тян-Шанская. 1915

В субботу я отправил тебе посылку на имя Алексея, может быть, он сам заявится у вас, и ты ему передашь ее. В удовлетворение твоего любопытства скажу, что мы находимся недалеко от Луцка, т.е. все время там, куда нас перевели в августе месяце и где мы получили так много убитых в свое время. Теперь у нас тихо, только изредка поднимается артиллерийская перестрелка. Весь центр тяжести теперь в Румынии, откуда сегодня пришли приятные вести. Очень грустно только, что Алексеев чрезвычайно сильно болен и едва ли выживет²⁹, впрочем, вместо него предполагают Гурко, который сейчас временно исполняет обязанности Алексеева. Гурко³⁰, судя по его приказам по армии, — мы ведь были в его армии³¹ — чрезвычайно светлая голова, молодой, энергичный, не в пример другим начальникам сам бывал на передовых позициях, сам поверял секреты и держит всех в здоровом страхе.

Сам я пока все еще нахожусь в учебной команде, но завтра она кончается. Что будет со мной, неизвестно. Во всяком случае, я заявил, что я не согласен быть младшим офицером у какого-нибудь чижика, а так как не-чижиков теперь нет, а я надеюсь, что к моему желанию отнесутся серьезно, то или мне дадут роту, или назначат в пулемет-

ную или пушечную команду, я же сам прошу именно пушечную команду. Тогда я, по крайней мере, буду самостоятельным. В моем возрасте быть младшим офицером трудно, особенно в роте. Во всяком случае, участь моя решится на днях — тогда напишу.

Сейчас получил от тебя новую посылку — папиросы и мятные пряники. Очень приятно знать и чувствовать твою любовь и заботы обо мне. Милая, ведь я их не стою, я-то очень мало думаю о твоём спокойствии. Иногда мне кажется, что моя тоска, мое ночное метание из стороны в сторону происходят оттого, что я потерял простодушную веру, что жить как все, без думы о вере и о религии я не могу — и мечусь как угорелый от мелочности и суеты нашей жизни. Я завидую Лёле³², который нашел свою духовную радость. Если бы я мог найти эту духовную радость и примирить с ней всю неправду и нехорошость нашей жизни, может быть, я не метался бы.

Ты думаешь, мне самому легко, но вокруг себя я ощущаю ужасную пустоту, ощущаю все время, когда оно у меня ничем не занято. Это говорит совесть. У вас в Петрограде она меня гнала на войну, здесь гонит в окопы — но и в окопах она меня будет гнать еще куда-нибудь. Сколько раз я говорю [себе]: надо быть эгоистом, надо больше думать о себе, но,

в конце концов, ведь это слова, из них ничего нельзя сделать — когда совесть говорит иное. Вот и теперь я пишу, а совесть уже шепчет: ты хочешь, чтобы тебе сочувствовали, чтобы тебя хвалили, но что ты делаешь? Ты самый пустой эгоист, вечно любишь себя и только о себе думаешь, ты притворяешься, что любишь жену и детей, ты их вовсе не любишь, ты притворяешься, что тебе стыдно сидеть в теплой халупе, когда другие сидят в окопах, — ты боишься только одного, чтобы о тебе не подумали худого, что ты трус, и ты рвешься в окопы только для этого. И сколько правды в моей совести. Ведь, конечно, я трус, и конечно, боюсь идти в окопы. — Это нервы, скажешь ты, — но дело совсем не в нервах: просто-напросто страшно — и стыдно сознаться в этом страхе. Вот это «стыдно сознаться» — этот стыд перед мнением других — это и есть моя слабая черта. Эта слабая черта и гонит меня с места на место — и всюду от нее я чувствую тоску и пустоту.

Я, дорогая моя, запутался совсем, давно не думал, как следует и оттого не умею теперь разобраться в самом себе. Господи, иногда кажется, что я принес огромную жертву, бросив все мне дорогое, и тогда я люблю вас, люблю тебя и Станочку и Верочку и мне так недостает вас и хочется к вам в Петроград, и кажется ужасным, что я не скоро еще вас увижу, — а иногда я совсем не думаю о вас и ловлю себя на этом и удивляюсь, как я могу быть таким равнодушным. Повторяю, что я запутался сам в себе — и самое было бы лучшее, если бы я мог сейчас приехать к вам, это мне страшно теперь хочется, и если бы я мог, я бы уже был у вас.

В общем, я чувствую себя хорошо. Товарищи мои относятся ко мне хорошо, солдаты тоже меня любят, это как-то чувствуется и в их улыбке, и в разговоре, когда я говорю с ними. Когда-то, когда я был мальчиком, я мечтал быть ангелом мира, быть человеком, который всем приносит радость. — Если бы я мог это делать теперь! — Вот, может быть, разве солдатам я приношу некоторую радость — но, во всяком случае, не тебе. Не оттого ли мы так любим детей, что они бессознательно приносят людям радость. — Как хорошо знать, что где-то есть маленькая Станочка, которая откладывает

Стана Семенова. 1917

два камушка, играя, для папы, когда папа вернется, — и хочется, чтобы желание ее исполнилось бы и папа бы вернулся. А ее письма — разве они не доставляют бесконечную радость! Что такое счастье? — счастье это когда ты другому доставляешь огромную радость, и доставить эту радость это и есть цель нашей жизни, только вопрос, кому и как доставлять эту радость — всем ли, с кем ты встречаешься или только тем, кого ты любишь. Христианство говорит — всем, а здоровый человеческий эгоизм говорит — только себе.

Я вообще зафилософствовался, ты прости мне весь этот вздор — во всяком случае, из него ты можешь узнать, что мне теперь гораздо стало легче. Частью уже перемололось, может быть, перемелется и дальше, только бы нам увидеться.

Спасибо тебе за память, поцелуй дочурок, дай вам Бог всего хорошего. Христос с вами. Целую тебя, моя милая. Жаль, что не скоро увидимся, а так бы хотелось быть с тобою. Сегодня утром меня укутывал шубой мой денщик и мне так это понравилось, и я подумал: что бы я дал, чтобы вместо денщика была бы ты.

Ну, всего хорошего. Целую тебя, Христос с тобой. И все-таки, в конце концов, хорошо жить на белом свете!

22 ноября 1916 г.

Дорогой Миша,

Я Тебе не писала целых два дня и от Тебя давно писем не имела, уже больше недели. А с тех пор, как ты написал письмо, прошло уже две недели; очень неприятно, когда так долго нет известий. И я замечаю, что я становлюсь со всеми окружающими как-то злее и раздраженнее, так как все время ловлю себя на том, что жду писем.

Надеюсь все-таки, что скоро письмо получу и что это опять задержка почты, а в вашей жизни ничего не произошло, что бы мешало тебе писать. Шура тоже до сих пор не получил писем от своих товарищей. Его судьба определилась теперь так: он и еще один прапорщик отвезят следующую маршевую роту; случится это до 7 декабря, это крайний срок отправки. Сначала Шура (в первый день) был очень счастлив, когда выяснилась его судьба, но теперь кажется он чувствует меньше радости, чем в начале.

Запасной батальон вчера принял Герих³³, все очень довольны его назначением и Москва не жалеют. Когда Герих принимал батальон, то он должен был каждые 10 минут уходить прочь, так как его все время тошнило, таково состояние его здоровья, правда, печально?

Вчера я читала в приказе речь, которой Москов прощался с батальоном. В отношении стиля он заставляет желать много лучшего, у него все больше и т.д. и тому под~~обное~~ и многоточия, да и сам он кажется чувствует, что что-то нето, так как говорил офицерам, что немного не вышло. Удивляет меня очень, что Усов, говорят, уходит, и не больше не менее, как в Гвардейское Экономическое общество. Почему-то не желает быть в подчинении у Гериха.

Евгения Михайловна пока относится к отъезду Шуры поразительно разумно и спокойно, может быть, прямо этому не верит и надеется, что он все-таки останется, но так она так же покойна, как и всегда. Ты писал мне, что может быть я теперь сойду с ней ближе, так как у нас будет общность интересов. Не думаю, чтобы это случилось, мне слишком больно ее отношение к тебе, и это простить мне очень трудно, ведь все-таки кроме Шуручки она ничего не видит и по-прежнему, когда Шуручка спит, весь дом ходит на цыпочках и говорит шепотом, а о Коле³⁴ и о тебе никакого беспокойства не заметно. Меня это ужасно обижает, и мне больно, больно за тебя.

Вчера уехал Леонид, уезжая, он очень просил меня написать ему, какие будут от тебя письма и все ждал от тебя ответа. В Леониде произошла большая перемена, он стал гораздо больше как все люди, больше интересуется, мягче ко всем относится, и сам он как будто довольнее, а главное, радостнее. А так он стал совсем православным, ходит в церковь и т.д. Говорит, что выше православия по духу ничего нет, такое громадное впечатление произвели на него старцы в Оптиной пустыни. Даже мне он подарил книжку жития какого-то святого, должно быть, и меня хочет обратить на праведный путь. Все это очень удивительно, и я с Шурой никак не можем понять, как произошла в нем эта перемена, но только сам он от этой перемены, безусловно, стал счастливее. Я спросила его, что может быть, он сам пойдет потом в монахи, и он ответил: «Может быть». Леонид и монахи, как это не вязалось с ним раньше. Правда?

Он очень подружился со Станочкой и, по-видимому, полюбил ее. <...> Мне всегда раньше казалось, что

на Верочке лежит отпечаток печали, теперь это совсем прошло. Вот и сейчас она возится с няней и заливается смехом, я слышу ее взвизгивания и как она радостно смеется на нянины слова, кажется, они играют в прятки. <...>

Сегодня получила письмо от Алексея. Он пишет, что глаза его лучше. Его водили к главному доктору, и тот нашел раздражение века и прописал цинковую мазь. Кажется, это раздражение не бывает самостоятельно и является следствием трахомы, так, по крайней мере, сказала Аля докторша в школе у финляндцев³⁵. Алексей пишет, что в лазарете после лечения всем солдатам дают месячный отпуск. Не знаю, как он поступит, воспользоваться отпуском очень соблазнительно, а с другой стороны, он боится, что ты будешь недоволен и что потом он рискует попасть в маршевую роту. Я была у него раз и писала потом тебе об этом, не знаю, получил ли ты письмо?

Погода у нас отчаянная, зимы и снега до сих пор все еще нет, все еще темнота, сырость, туманы и дожди. С самого утра уже ничего не видно, все это действует на нервы, мало бодрости и энергии. Хоть бы скорее прошло это время и выпал бы снег, веселее будет. <...>

Сейчас буду кормить Веру. До свидания, мой дорогой, целую тебя крепко, крепко. Храни тебя Бог. Стана и Верочка целуют папу, а все остальные шлют поклон.

Подпоручик В.Л. Кербер накануне отправки на фронт, лето 1916

- 1 А.П.Семенов-Тянь-Шанский (1866-1942), дядя М.Д., выдающийся зоолог, профессор.
- 2 Книжный магазин Вольфа.
- 3 Книга «Многообразие религиозного опыта» американского философа и психолога У. Джеймса.
- 4 М.Д. Леонид Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1880-1917), старший брат М.Д., поэт-символист, толсто-вец.
- 5 Иван Васильевич Петрашень (1875 – 1937), муж сестры Э.А., инженер.
- 6 В.Л. Кербер был контужен во время ковельского сражения, там же погиб его двоюродный брат, также офицер Егерского полка.
- 7 Алексей – бывший денщик М.Д., сопровождал его в поездке в Сибирь с миссией Красного Креста.
- 8 А.Д. Семенова-Тянь-Шанская (1886-1920), младшая сестра М.Д.
- 9 Магазин Гвардейского Общества на Б. Конюшенной улице.
- 10 Вера Анненкова, возможный прототип Аси, героини неоконченной повести Г.А. Парланда.
- 11 Шура окончил ускоренный курс обучения в Пажеском корпусе 1.10.1916 и выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Егерский полк.
- 12 В.Д. Семенова-Тянь-Шанская (1883-1984), сестра М.Д., художница.
- 13 И.В.Петрашень.
- 14 Сестра Э.А. и ее муж Н.В.Благовещенский.
- 15 7 (20) октября 1916 г. на линкоре «Императрица Мария», стоявшем в Северной бухте Севастополя, около 6 часов утра произошел необычайной силы взрыв. Вслед за первым взрывом в течение получаса последовало еще до 25 взрывов. В 7 ч. с правого борта раздался последний большой взрыв. Линкор спустя несколько минут, перевернулся вверх килем и затонул, унес с собой жизни ста тридцати офицеров и матросов.
- 16 Борис Павлович Лыжин, семейный доктор.
- 17 Роман А. Франса.
- 18 Москов Платон Александрович, р. 1871, полковник, командир Запасного батальона.
- 19 Николай Николаевич Мартынов, офицер лейб-гв. Егерского полка. После революции эмиграции в Бельгии.

- ²⁰ Сестра Вера весной 1916 г. вышла замуж за фронтового офицера Б.А.Коноплева. Она познакомилась с ним, работая сестрой милосердия в военном лазарете.
- ²¹ Министерство земледелия, где М.Д. служил до мобилизации.
- ²² Виталий Витальевич Морачевский (ум. 1918 г.) статистик, заведовал справочно-изд. бюро при департаменте земледелия.
- ²³ Квицинский Борис Иосифович (1868 – 1934), командир лейб-гвардии Егерского полка.
- ²⁴ Подпоручик Ниротморцев Михаил Юрьевич. Умер от ран 4.09.1916 г. Погребен в склепе полковой церкви св. Мирония Егерского полка в Петрограде (разрушена в 1934 г.).
- ²⁵ Е.М. Семенова-Тян-Шанская.
- ²⁶ Дрентельн Александр Александрович (1868 — 1925), командир Преображенского полка (28.11.1915-27.04.1917), свиты генерал-майор. После революции не эмигрировал, умер в Вологодской губернии.
- ²⁷ Б.В. Штюрмер (1848-1917), считавшийся одиозным председателем Совета министров.
- ²⁸ День архистратига Михаила (8 ноября ст. ст.) и праздник Георгиевских кавалеров (26 ноября).
- ²⁹ Генерал М.В. Алексеев страдал тяжелой почечной недостаточностью, от которой и умер в 1918 г. в начале Гражданской войны.
- ³⁰ Генерал В.И. Гурко (1864-1937), во время отпуска по болезни М. В. Алексеева с 11 ноября 1916-го до 17 февраля 1917 года исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего.
- ³¹ 4 августа 1916 года Гурко назначен на должность командующего войсками Особой армии, созданной на базе армейской группы генерала от кавалерии В. М. Безобразова. После передачи армии в состав Юго-Западного фронта перед ней была поставлена задача нанесения удара на Ковель. Однако намеченное на 17 сентября наступление было сорвано ударом германской группы генерала кавалерии Г. дер фон Марвица. С 19 по 22 сентября Особая и 8-я армии провели безрезультатное пятое Ковельское сражение, а к концу месяца — шестое.
- ³² Леонид Дм. Семенов-Тян-Шанский в это время переживал духовное возрождение, преодолев свои заблуждения, посетил Оптину пустынь.
- ³³ Фон Герих Павел Карлович (1872-1950) – офицер, генерал-майор Егерского полка, умер в Бельгии.
- ³⁴ Н.Д.Семенов-Тян-Шанский (1887-1974), мл. брат М.Д., воевал в составе сухопутного батальона Гвардейского морского экипажа, позже на крейсере «Варяг», затем в эмиграции в Англии и во Франции.
- ³⁵ Выборгское коммерческое училище в Петрограде.

Semenov-Tyan-Shansky M.A. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, POMI RAS

Zadneprovskaya A.Yu. – Candidate of Historical sciences.

LETTERS FROM 1916

(LETTERS FROM THE ARMY TO PETROGRAD AND FROM PETROGRAD TO THE ARMY)

Annotation. In this publication – wartime correspondence between husband and wife – Mikhail Dmitrievich Semenov-Tyan-Shansky and Emmy Andreevna (in girlhood Parland). Correspondence covers the events of May-December 1916. The first part of the correspondence is published in this issue: the end of September - November 1916.

Keywords: World War I, Petrograd, front, army, family, M.D. Semenov-Tyan-Shansky, E.A. Parland.

Публикация, вступительный текст и комментарии
М.А. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО,
А.Ю. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

Письма из 1916 года

(ПИСЬМА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ В ПЕТРОГРАД
И ИЗ ПЕТРОГРАДА В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ)

Аннотация. В этой публикации – переписка военного времени между мужем и женой – Михаилом Дмитриевичем Семеновым-Тян-Шанским и Эмми Андреевной (в девичестве – Вайолетт). Переписка охватывает события мая-декабря 1916 г. В этом номере публикуется третья часть переписки: декабрь 1916 г.

Ключевые слова. Первая мировая война, Петроград, фронт, действующая армия, семья, М.Д. Семенов-Тян-Шанский, Э.А. Вайолетт.

1-2 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,
Сегодня уже пятый день сижу на позиции, остается еще столько же. Иногда бывает так тихо, что забываешь, что ты находишься на войне, иногда наоборот поднимается трембал, как говорят у нас. В общем, время проходит незаметно — среди телефонных разговоров и приказаний. Во вторник, когда я отправлял тебе письмо, немцы очень сильно швыряли минами, причем мины их особо колоссальной силы. Я уже писал тебе, что от разрыва одной такой чемоданной мины у нас в блиндаже раскрылась дверь, а мина, как выяснилось, упала более чем в ста шагах от нас. Вечером и к нам привезли минный аппарат с нашими колоссальными минами (2 пуда весом). Мина интересна тем, что видна во время полета, — немецкая имеет горящий хвост, а наша хотя и без хвоста, но настолько велика, что отлично видна. Сила взрыва ее также огромна, такая мина, выпущенная из нашей второй роты, совершенно разрушила немецкий блиндаж. Во всяком случае, мины, которые немцы аккуратно выпускали по ходу сообщения, ведущему к Столице, дали возможность произвести наблюдение за тем, откуда они вылетают. Наша и немецкая позиции отчасти лежат в лесу, отчасти на открытом месте. Причем для облегчения наблюдений и открывания артиллерийского огня каждому лесу дано свое наименование. Начиная справа, идут леса квадратный, колбаса, палец, сапог. Квадратный лес в

руках немцев, в наших — только выходные из него рощи. Колбаса вся в наших руках, палец тоже весь в наших руках, за исключением западной его окраины. Сапог весь в руках немцев, у нас только подошва его. Наблюдения показали, что миномет у немцев стоит в западной окраине пальца. Каждое утро часов в 11 приходят к нам артиллеристы в свои наблюдательные пункты, спрашивают у нас цели и ведут пристрелку. По их наблюдениям, немецкий миномет тоже находится в кончике пальца; снова произвели пристрелку гранатами, весьма удачную. Конец пальца находится в непосредственной близости от нашей передовой линии — всего в 75-100 шагах, ты можешь теперь представить, насколько точно нужно было пристреляться. Впрочем, пристрелку ведет удивительно милый и спокойный, правда, несколько мрачный штабс-капитан Лапицкий¹ (из гвардейской артиллерии). Когда он управляет огнем, чувствуешь, что огонь находится в твердых руках, и делаешься сам спокойным и уверенным.

Вчера немцы в обычное свое время около 5 часов дня стали швырять мины из своего миномета по направлению к ходу сообщения Столицы. Мы сейчас же передали по телефону на батарею, через пять минут раздался первый выстрел, их было всего шесть, но уже больше во весь вечер минами-чемоданами немцы не швыряли и всего вчера успели выбросить только три мины. Такое реальное действие артиллерии производит удивительно ободряющее впечатление.

Немцы обыкновенно очень шумливы по вечерам, как стемнеет, они тогда швыряются всем, чем попало, и главное, чемоданами, которые весьма солидно крикают, и гул их криканья разносится по лесу. Первое время каждое криканье отзывалось во всем организме — но теперь только весьма близкое.

Вчера утром снова обходил всю линию — на этот раз все обошлось благополучно. Разрывом же чемодана, о котором я тебе писал, когда мы блуждали по окопам с Ладыженским, я решил воспользоваться и показал и его, и меня контуженным, но оставшимся в строю, — также показал контуженными, но оставшимися в строю Эльснера² и Столицу, которые выдержали 29-го сильную бомбардировку минами их блиндажа. Считаю, что контузию сразу не почувствуешь, а про запас иметь свидетельство о ней весьма полезно. Так что если ты прочитаешь в газетах наши фамилии в числе потерь, то ты знай, что это только моя предусмотрительность.

Это письмо везет с собой Кербер, который начинает собой серию отпусков, по-видимому, в отпуск будут пускать сразу четверых, и тогда очередь до меня может прийти довольно скоро. <...> ...то есть я могу приехать к Станочкиному рождению. Если же будут пускать по одному — тогда лучше не жди.

Писал тебе вчера утром, продолжаю 2-го декабря. Вчерашний день нельзя было назвать спокойным, немцы все время швырялись то минами, то чемоданами, было просто жалко. Особенно сильное швыряние было по участку левее нас, который занимает первый батальон, — пришлось и нам рассердиться и вызвать на помощь нашу тяжелую батарею, это несколько охладило германа, он стал постепенно смолкать, и ночь прошла очень тихо. Зато сегодня утром было форменное сражение. В 7 утра наш блиндаж встряхнулся от страшно сильного толчка, — Алексеевский³ подумал, что это землетрясение. Оказалось, германы взорвали мину под участком 2-й роты. Образовалась огромная воронка, немцы с криком «Ура!» заняли ее, но тотчас же были выбиты нашей контра-такой, оставив не меньше 38 человек и усеяв трупами все пространство впереди своих проволоч. Наши потери незначительны. Теперь они, т.е. германы, по участку второй роты швыряются всякой дрянью. Во время атаки был здоровый огонь с обеих сторон. Теперь, в общем, тихо. <...> Если бы не война и не германы, здесь было бы очень хорошо, наш участок стоит в великолепном сосновом лесу.

Ну, пока, всего хорошего. Эту лошадь передай Станочке. Теперь мы уже отсидели более половины сидения, дай Бог, чтобы и вторая половина была благополучной. Целую тебя крепко. Христос с вами. Привет всем.

Твой М.

Суббота. 3 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Вчера был Лыжин, сказал, что все идет хорошо, никаких осложнений пока нет и, даст Бог, и не будет. Велел сделать ванны через день. И сегодня мы со Станочкой первый раз купались, она была очень довольна ванной, сидела там совершенно покойно и могла играть, но все-таки после ванны устала, сказала мне: «Я мама полежу, я устала». А в то время, как я обедала и кормила Веру, заснула, бедная девочка, все-таки она еще больна. А то днем, когда она сидит и играет, совсем веселая, температура нормальная, и аппетит хороший, кажется, что она совсем здорова и что зря только держат ее в постели. С начала болезни прошло уже двенадцать дней, занимается она сама прекрасно, хотя, конечно, просит, чтобы ее пустили бегать.

Целую Тебя крепко, крепко, мой дорогой. Храни Тебя Бог. Твоя Беби.

Воскресенье. 4 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Получила от тебя сегодня известие, что ты засел в окопы, и очень стало мне тяжело. Ты, может быть, и доволен теперь своей судьбой, стремишься тебе теперь некуда и, может быть, ты успокоишься. Чтобы это было временно, я не верю, назначили и успокоятся и забудут о тебе, и будешь ты так все время младшим офицером. Если б командир действительно тобой интересовался, то он не назначал бы на место коменданта кого-то другого, а ждал бы тебя. Разделить твой мистицизм я тоже не могу и не знаю, для чего нужны тебе испытания, о которых ты пишешь, на мой взгляд, их у тебя было достаточно. Действительно одно, что мне остается, это надеяться на твои нервы, но это надежда слабая и к тому же крайне рискованная.

Получила зараз письма и от 24, и от 26-го. Как раз в эти дни заболела Стана, 24-го у нее появилась сыпь, а 26-го выяснилось, что у нее скарлатина, и с тех пор мы сидим в карантине. Верочка пока, слава Богу, здорова, но очень она бессонная, спать совсем разучилась. Целую тебя крепко, крепко. Дай Бог тебе всего лучшего. Пиши мне.

Твоя Беби

5 декабря 1916 г. Позиция в лесу западнее Бубново.

Дорогая Булинька,

После взрыва германского камуфлета нам стали чудиться разные страхи, подозрительные шумы и всякая дрянь. Особенно подозрительным казалось таскание каких-то ящичков, проволоки и всего прочего, как нам казалось, необходимого для устройства камуфлетов. В это время приехал капитан Кошевой⁴, который заменяет Алексеевского. За расспросом новостей Петроградских несколько отошли на задний план наши местные новости. Хотя все-таки нет-нет, да и заговаривали про немецкие подкопы. Около 5 часов немцы по обыкновению опять швыряли свои мины-чемоданы. К вечеру все затихло. В этот день я чувствовал себя отвлеченно, два раза пытался ходить в передовую линию и дважды возвращался — было страшное сердцебиение и боль в груди. Утром 3-го Кошевой обошел батальон и таким образом официально принял [командование]. Конечно, весь день говорили о том, что немцы под нас подкапываются, получали донесения наблюдателей несколько панического свойства о том, что слышен стук мотора, что в секреты носят какие-то ящички, проволоку и пр. Настроение наше повышалось, как вдруг пришел Ладыженский, он временно принял роту Кербера и сообщил, что перед его участком германцы срезали всю свою проволоку, по-видимому, готовы перейти в атаку, что заметил это он сейчас, когда рассеялся туман, что проволока накануне была цела, а теперь остались только колы. В связи со слухами о подкопе настроение поднялось еще больше. Взяли план участка, стали обсуждать план обороны, решили на ночь усилить секреты, подвести один взвод из резерва к передовой линии и пр. В это время из 6-й роты, соседней с 8-й, сообщают по телефону, что немцы пускают газ и что трудно глядеть, так как щиплет глаза. Все подтверждало, что они готовятся нас атаковать. Жаль, жаль. Устав ротных на места, отдав распоряжение по отбитию газовой атаки, зажиганию костров и т.п., стали звонить в штаб полка, чтобы тяжелая батарея проверила заградительный огонь перед нашей линией, чтобы резервный батальон выслал к нам посыльных для ознакомления с дорогой, а штаб — саперов для скорейшего устройства согласно нового плана обороны новых участков позиции. Через три минуты после телефонного разговора над нами стали нежно посвистывать наши чемоданы и слышаться их солидное кряканье, когда они усаживались вдоль немецких позиций. Артиллерия наша была хорошо, что сразу дало нужную бодрость, и наше самочувствие поднялось. Зато наверху там, кажется, все всколыхнулось, потому что стали звучать звонки за звонками и как заключительный аккорд была обещана скорая поддержка в случае необходимости, как со стороны пехотных частей, так и со стороны [артиллерии]. Все-таки ночь прошла в ожидании чего-то, я ждал у телефона и ждал и спрашивал донесения ротных.

Но вот стало светать, ничего не произошло и мы успокоились; я пошел в 8-ю роту, чтобы самому понаблюдать за состоянием проволоки. Полез в секреты и успокоился совершенно, хотя, действительно, проволоки было мало, но зато рогатки стояли и деревья грудой лежали перед окопами противника, а из окопов их раздавалось мирное пение и ничего не предвещало, что они собираются идти в атаку. Зато этот душ холодный, который мы вылили на кейфующий наш штаб, а те, в свою очередь, на верхнее начальство, сделал свое дело — на позицию [прибыл] исполняющий обязанности Скорино — Лабинский⁵, саперы и проч. — и всю ночь в наших слуховых окнах сидели слухачи, чтобы следить за немецкими подкопами, и в результате мы сами теперь делаем подкоп. Так у нас тихо, редкое кряхтение мин-чемоданов заставляет качаться блиндаж и лишний раз стукнуть сердце, — но больше ничего не происходит. Правда, пришла вчера телефонограмма — ожидаются ветры западных румбов — очень газоопасно. Но это больше для того, чтобы показать, что штаб интересуется нами.

На участке 5-й роты вчера наблюдали в немецких окопах какого-то бородача в широкополой шляпе, штатского — это очевидно дядя привез им на позицию подарки, и ночью раздавалось пение и звуки гармоники. Из их окопов доносятся крики: «Русс! Русс! Иди к нам, вино есть!» — а у нас в ответ на это несется уличная ругань. Сегодня восемь дней нашего сидения, завтра смена — ждем ее с нетерпением. Сидеть девять дней не раздеваясь с некоторым нервным подъемом все-таки довольно тяжело. Главное, адово спать хочется. Сейчас тихо, где-то щелкает пулемет.

Ну, Христос с тобой и детьми. Целую вас. Храни вас всех Бог. Твой М.

6 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Ты сидишь в окопах, а меня, конечно, томит беспокойство о тебе и вертится только одна мысль — только бы ты жив остался. Ты пишешь, что у вас на фронте затишье, но я не могу считать это затишьем, то, что ты описал в письме. «Чемоданы» тебя преследуют. Сосчитала вчера 60 шагов на улице, и это выходит приблизительно ширина нашей линии, здорово близко, это почти рядом. Сегодня или вчера, по моим расчетам, вас сменили, и теперь будет неделя отдыха, а там снова. Чтоб ты чувствовал себя прекрасно, сомневаюсь, так как ты же писал, что были сердцебиения опять. Бога ради, береги себя и не делай глупостей.

У нас все по-старому. Сижу со Станочкой 15 дней, она весела, но не отпускает меня ни на минуту, только кормить Веру и обедать, так что даже гулять я хожу после того, как она заснет, часов в 10, довольно это трудно, в особенности надоедает все время думать, чтоб как-нибудь не перенести сразу. Верочка весела и здорова. Пожалуй-ста, пиши чаще, как ты и обещал. За письмо спасибо. Целую тебя крепко-крепко. Храни тебя Бог.

Твоя Беби

8 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Пишу тебе уже не из окопов, а из теплой халупы. Вчера мы были сменены измайловцами. Последний день был довольно тих, хотя против одного ротного участка немцы срезали всю свою проволоку. Вчера получил твое письмо с известием о Станочке. Очень меня все это огорчило, и я даже собираюсь приехать, если Верочка заболит тоже. И откуда Станочка могла подхватить эту гадость! Пока она больна, прошу писать каждый день, в случае же заболевания Веры или какого-нибудь осложнения телеграфируй мне немедленно. Очень бы хотелось к вам приехать, только не знаю, как это удастся. Очень приятно сменяться, это, пожалуй, самое приятное, хотя и приходится идти довольно далеко, но сознание исполненного долга с одной стороны, [а с другой] — ожидание теплого помещения и, главное, возможности раздеться — дают огромную отраду.

Получил сейчас новые письма, и очень жаль, что нет ничего в них такого, что могло бы дать мне повод проехать к вам. У нас ходят упорные слухи, что, несмотря на официальный отказ в мире Германии все-таки переговоры идут и уже Германия многое уступила из первоначальных требований. Конечно, все мы хотим мира, но только мира хорошего, долгого и крепкого. В общем, все-таки можно сказать, что атмосфера политическая делается как будто чище. Булинька, как мне хочется ехать к вам и как хочется увидеть Станочку. Иногда представляю себе ясно-ясно, что я звоню, никто меня не ждет. Я раздеваюсь, подхожу к нашей двери из передней, ведь только эта дверь не замазана. Тихонько открываю — ты вскрикиваешь: — Миша! а Станочка наклоняет конфузливо головку и говорит: — Да, правда, папа.

Впрочем, все это мечты, мечты — а здесь совсем другая обстановка. Иногда кажется, что никогда вся эта какофония не кончится. Вчера ездил верхом в баню в полушубке — очень было приятно раздеться в натопленной халупе и вымыться. После бани попал на праздник нестроевой роты, было пьянство, только я мало пью, и вино на меня не оказывает никакого действия. Ночью я и Столица на санях поехали в свой лес, очень было хорошо. Ночь была тихая, изредка показывались звезды, и мы думали, что мы едем не на войну, а где-то в глубине России в имении, два мирных помещика. Ну, пока всего хорошего. Целую тебя, Христос с тобой. Твой М.

9-10 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Вчера видала Кербера и он передал мне письма от Тебя. Свидание наше произошло весьма странно на улице, так как придти на квартиру он не мог из-за скарлатины и он позвонил швейцару и вызвал таким образом меня. Это было в 8 часов вечера. Мне Кербер очень понравился, удивительно он милый и простой, как будто век с ним была знакома, но, конечно, в этом играет роль то, что он так близко знает Тебя. Расспрашивала я его о всех ваших полковых делах и много порассказал он печального, уж очень не на высоте ваши настоящие военные и жаль таких людей как Кербер, он окончательно изверился как будто во всем и также как Ты стремишься прочь оттуда. Мне встреча с ним принесла некоторое облегчение, потому что после первого письма я все-таки сильно волновалась и беспокоилась за тебя, а тут человек который видел тебя все это время. Он говорит, что Ты поживаешь ничего, но письма твои последнее время здорово нервные и издерганные, так что я опять думаю, что у Тебя бессонница и прочие прелести. От твоего предположения, что Ты можешь в конце января приехать к нам, у меня прямо крылья выросли, так радостно стало от этой перспективы, печально только одно: Ты пишешь, что это случится в том случае, если будут отпустить четырех офицеров, а Кербер говорил, что его пустили только одного. Если Квицинский соображает так мало, то Вы бы хоть на Скорино надели, ведь это же ваше право ездить в отпуск и ничего незаконного тут нет.

Присланные Тобой деньги я получила, Кербер передал мне, что Ты просил, чтобы я их не тратила. Боюсь, что это будет немного трудно и что мне придется что-нибудь из них взять. Дело в том, что вместе с полковыми деньгами я имею всего 181 рубль. 146 — жалования министерства и 35 — полк. Из них 180 уходит на квартиру и на жалование Анисье и мне на все остается один рубль. Поэтому я прибежала это время к займам, ведь надо было сделать Стане пальто и купить галоши, которые одни стоили 7 рублей и думала расплатиться со всем этим Твоими наградными, теперь мне из наградных придется заплатить один месяц за квартиру (помнишь комбинацию в сентябре?) и расплатиться с долгами, и мне бы хватало на все, но тут еще болезнь Станы, визиты доктора, потом дезинфекция, одним словом, всякие непредвиденные расходы, и я боюсь, что с одними своими ресурсами я сяду в галошу. Ты теперь не можешь представить, как мало стоит рубль в Петрограде и что стоят теперь обыкновенные вещи, как масло и т.д. Я пишу Тебе это все для того, чтобы Ты не очень огорчался, если я разменяю Твои деньги, но я дошла даже до того, что хотела продать одну Твою бумагу, так неприятно мне чувство, что я все беру у Алисы и мамы в долг. Ты только не думай, что я транжирю деньги, я право на себя ничего не истратила за это время. Вот только теперь, сидя в карантине, иногда начинаю помышлять, что устрой какую-нибудь эскападу после его окончания, пойду в театр или нечто подобное, но до этого еще далеко. Странно, что я пишу Тебе такие вещи, когда Ты сидишь в окопах, спишь на голой земле и девять суток не снимал сапог, теперь ты, кажется, уже все испытал.

Только что перечла Твое письмо и еще раз ужаснулась, как должно быть тяжело у вас. Ведь это же ужасно вы-

держат такое швыряние «чемоданами» а если даже и покойно, то нервы все равно натянуты в ожидании следующего обстрела. А Кербер говорил мне еще, что у вас совсем тихо, я этого не нахожу, на мой взгляд достаточно.

Господи, я совсем не могу представить себе Тебя с Твоими нервами в этом аду. И мне так страшно за Тебя больно. Ты именно не для войны и каждая Твоя новая открытка подтверждает прежний опыт. Если нервы Твои начнут очень шалить, то на основании своей контузии приезжай лечиться, только подожди, когда кончится карантин.

Мы со Станочкой живем очень дружно. Она ко мне еще больше привязалась и призналась как то, что она меня очень любит. Капризничает она мало и удивительно мила и разумна, совсем не просится к няне и Вере и в то время, когда я ухожу кормить, занимается одна и не скандалит. Твои лошади доставили, конечно, большое удовольствие и играет она с ними с увлечением, только у серой лошади сегодня обломилась нога, и она все просит ее заклеить. Дети из Череповца прислали ей всяких домашних животных из бумаги: кур, свиней, осла, корову и Твои лошади вошли в эту коллекцию. Это теперь наши любимы игрушки и, должно быть, будет большая трагедия, если после я захочу их сжечь. Еще она любит играть раковинами, их Николай Васильевич привез из Крыма. <...> Завтра Алисино рождение и сегодня Стана в подарок тете Але нарисовала наш дом и портреты, свой и Веры. Вера пока, слава Богу, здорова и я очень надеюсь, что она и уцелеет, уж очень у Станы слабая форма. <...> Дней через пять Стане позволят вставать, но я боюсь, что тогда будет с ней гораздо труднее. Труднее будет удержать еще столько времени в комнате, чем лежать в кровати и я думаю, что первое время буду поднимать ее на часть дня. У вас получили известие, что Коля прибыл в порт Романов на Мурмане и его ожидают в скором времени домой.

Ну, целую Тебя крепко, крепко. Сейчас пойду гулять. Храни тебя Бог и дай Бог нам скорее свидеться. Всего, всего Тебе лучшего. Стана целует крепко папу.

10 декабря 1916 г.

Дорогая дочка Станочка, папа посылает тебе это письмо на елку, сам он не успел приехать к вам. Напиши папе, хорошую ли елку достала мама и какие подарки получила ты и Верочка. Была ли Верочка на елке. У папы елки не будет, потому что здесь елок нет, — но папа нарисует большую елку, нарисует на ней свечки и будет думать, что это настоящая елка. Папа все еще живет в окопах, — ночью по комнате папиной бегают очень много мышей. Папа устроил ловушку и мышки попадают. Вот так. (рисунок — мышка и мышеловка). Потом папа идет на улицу выпускает их.

Сегодня попала папе ворона, вот такая — (рисунок вороны, у которой ноги спутаны веревкой) — у ней ноги запутались веревкой, и она не может лететь, папа дал ей кусочек сыру — вот такой — (нарисован кусочек сыра) и колбасу (нарисована колбаса) ворона поклевала кусок сыру и колбасу съел солдат (нарисован солдат с куском колбасы во рту) — потом ворона улетела (нарисована летящая ворона).

Ну, прощай. Поцелуй маму и Верочку, и няню Анисью. Папин товарищ Столица посылает тебе картинки. (Приложена картинка: кучер, стоя, погоняет лошадь).

Твой папа. Сегодня рождение тети Али. Поздравь ее.

12 декабря 1916 г.

Дорогая Станочка, Папа забыл тебе послать второго барашка, — когда я сегодня открывал книгу и увидел барашка, — он был очень печальный и сказал, что скучает без братца, я тогда ему сказал, что его сегодня пошло. Как твоё здоровье? Папе очень без тебя скучно он все думает, что ты делаешь, должно быть, тебе уже надоело лежать в кроватке. А ты все-таки лежи, тогда ножки станут сильными, и ты будешь хорошо бегать и танцевать. У папы в доме очень много мышей они бегают по комнате и грызут папины вещи, всю ночь грызди чемодан, — но не могли разгрызть. Некоторые мышки очень миленькие серенькие с большими хвостиками, ночью они любят танцевать и кувыркаться. Сейчас папа получил письмо о том, что ты красишь папиными красками, отчего ты папе не прислала твоих картинок.

Скажи маме, что папа сегодня опять садится в окопы, — думали, что в поезд, а оказалось в окопы. Ну, всего хорошего, дорогая дочка. Целую тебя крепко. Поцелуй маму и скажи маме, что может быть папа скоро приедет домой.

До свиданья. Твой Папа

12 декабря 1916 г. Понедельник.

Дорогой Миша,

Сегодня я рассказала Станочке, что папа любил играть в куклы, когда был маленьким, но своих кукол у него не было, а тетя Вера, когда папа брал у нее куклу, у него ее отнимала. И Стана после этого рассказа вздумала плакать, так жалко ей стало папу, и решила утешить тебя по приезду своими куклами. Я сказала, что у папы

есть теперь живые куклы Стана и Вера и это ей очень понравилось. Все-таки приходится поражаться ее благо-разумию.

Вчера было Алисино рождение, мы пили с ней шоколад и она говорит: «давай думать, что мы здоровы и что сидим в столовой, хорошо?» Правда, философ в 3 года. Верушка жизнерадостна и хулиганит страшно. Затем, до свиданья. Целую Тебя крепко и желаю всего лучшего. Твоя Беби

13 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Опять мы сидим в окопах, вчера погрузились на восемь дней. Опять отдых оказался несколько короче — вместо девяти дней только шесть. Зато есть надежда, что праздники будем все-таки не в окопах. Эти дни спокойно, так как немец справляет свое Рождество. Бог даст, и после Рождества будет тихо. Зима, бывшая у нас, уже прошла, опять тепло, снег стаял, поля обнажились, и глядит черная-черная земля. Сегодня мы на новом участке — ни одного дерева, склон горы весь усеян блиндажами, и землянками, и ходами сообщения. Наши блиндаж, или, как говорят, халупа, очень хороши, обшит внутри досками, и все дубовыми. Глядишь и думаешь — какая цена нашему блиндажу, и на что только пошли эти чудные дубы, которые украшали нашу местность. Здесь есть деревня Скурче и рядом с ней Скурченский лес — это только название, на самом деле от этого леса не осталось ни одного дерева, только пни и между ними черные болотные кочки — это землянки. Если же идешь по дороге или какой-нибудь равнинкой между горушками, все это изрыто черными ямами от немецких или наших чемоданов. А здесь кругом наших землянок на позиции лежат груды неразорвавшихся мин, гранат и всякой дряни, которая летит к нам от немцев или, в свою очередь, от нас к ним. Сколько металла разбросано всюду, и это в XX веке люди дошли до той мысли, что самый лучший способ взаимоотношений между людьми это швыряние друг в друга всяких тяжелых предметов от 20 пудов и меньше. Хорошее занятие для взрослых людей!

Самочувствие мое последнее время очень хорошее, катался верхом, теперь у меня опять верховая лошадь — к сожалению, мое седло пропало, — но за него мне теперь удастся получить деньги, а это тоже хорошо. Последнее время очень сильно думаю о тебе, так хочется прижаться к тебе, и ласкать, и целовать, ты мне кажешься такой заманчиво-милой и дорогой. Я снова влюблен в тебя, как, помнишь, летом 1915 года, и так грустно, что ты далеко. Мечтаю о тебе почти все время, только разговоры отвлекают от тебя, но кончится разговор — и снова я полон мечтами о тебе и ты мне представляешься такой, какой ты сидишь на фотографии, где ты что-то шьешь. Помнишь? Это тоже было чудное время на даче Рихтер. Булинька, как мне хочется быть с тобой и как это сейчас невозможно — хотя все-таки думаю, что я скоро уеду отсюда, уж очень мне хочется к тебе домой. Я люблю тебя грустно и нежно, и в сердце моем тишина, дорогая Булинька. Как хорошо, что у меня есть ты, о которой я могу думать и думы о ком дают такую глубокую радость и такое чарующее успокоение. Христос с тобой, береги себя, чтобы радость свидания была еще ярче, чем ожидание его.

Целую тебя. Храни тебя Христос. Поцелуй детей. Твой М.

14 декабря 1916 г.

Дорогой Миша, начала писать Тебе сегодня два письма и оба разорвала, так как выходило не то, что хотелось. Сегодня днем Борис Павлович сказал, что у Станки все хорошо, что в пятницу она может встать и что, собственно говоря, через 28 дней можно было бы ее выпустить из комнаты, но что пока это рискованно из за Веры. И мы решили с ним, что надежнее будет просидеть 6 недель. Шелушения у Станы нет еще до сих пор, и потому она, очевидно, меньше болела, чем другие случаи.

Боюсь, что, когда она встанет, мне будет с ней труднее, чем теперь. Как ты поживаешь, мой дорогой? Как Твое самочувствие? Письма, которые Кербер привез, были последние и мне кажется теперь, что я о Тебе не знаю ничего уже очень давно.

Целую Тебя крепко, крепко. Храни Тебя Бог, мой дорогой.

15 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Это письмо Ты получишь, наверное, на Рождество, поздравляю Тебя с праздниками и желаю встретить и провести их возможно приятнее. Кроме папирос я Тебе ничего не могу послать, так как ни спечь какое-нибудь печенье, ни купить что-нибудь я не могу, так как сижу все время со Станой. Я придумала Тебе в свое время очень хороший сюрприз к Рождеству и мне так жаль, что не удалось его исполнить. Я хотела сняться с девочками у хорошего фотографа и послать Тебе карточки, я как раз собиралась это сделать на той неделе, когда заболела Стана. Только ждали более светлого дня, а потом она заболела и все ухнуло. У нас праздники будут тоже очень печальные, карантин кончается 3 января, затем последует дезинфекция и елку удастся сделать только 5, потому я все-таки хочу непременно сделать елку (хотя, неизвестно, еще будут ли они?).

В самый праздник я думаю устроить Станочке маленькую елочку для кукол, но не буду говорить ей, что это

Рождество у всех детей, а то она будет плакать, что у нее нет настоящей елки и что она не видит няни и Верочки, да и дарить новые игрушки в ее комнате не имеет смысла. Она твердо уверена, что на елку она поправится и будет со всеми. И пока что довольно терпелива. Прямо фатально, что каждое Рождество, с тех пор, как началась война, у нас что-нибудь случается и что-нибудь в доме неблагополучно; оно может быть и лучше, что в этом году карантин, а то настроение такое непростительное и так тяжело было бы устраивать елку детям в сочельник без тебя. Теперь же праздники пройдут незаметнее и я очень рада этому.

Стана уже совсем здорова, дня через два-три ей можно встать и эти две недели надо высидеть из-за заразы. Я очень боюсь, что это будут самые тяжелые недели, трудно выдержать здорового ребенка в одной комнате и понять, почему это нужно она ведь еще не может. Шелушений у нее нет, так что она, на мой взгляд, не столь заразительна. Я даже высказала предположение Лыжину, что это была краснуха, но он ответил, что я могу думать, что он ошибся, что он не обидится на это, но что у него нет никаких сомнений, что это была скарлатина. Когда она встанет, меня смущает еще одно обстоятельство: сидим ведь мы с ней в спальне, окно там не замазано и вот как бы Стане не надудо. Погода как раз теперь стала холоднее 10 мороза. Когда я в комнате, то, конечно, буду сидеть, чтобы она к окну не подходила, но когда я ухожу из комнаты я не могу ручаться за Стану.

Время от времени она заставляла меня прочитывать все твои письма и каждый раз радуется на них. Сегодня утром она говорит мне: «я лежала и думала». — «О чем же, Станочка?» — «О папе, что папа приехал, давай думать, да?» Это «давай думать» у нее играет большую роль. Так иногда мы «думаем», что Вера и няня с нами, что мы здоровы и сидим в столовой или же что наступило лето, и мы играем в песок. Причем в формочки накладывается воображаемый песок, и делаются воображаемые пирожки, иногда эти пирожки удаются, иногда же они лопаются и тогда надо делать другие. Воображение у нее большое и представить себе она может все, что угодно, только иногда просит, чтоб я придумала ей игру. Сегодня я вырезала ей из бумаги семейство дятлов и мы играли <...> Со своей куклой Лялей она не расстается, спит с ней вместе и все вспоминает, как нашла ее у Тебя в чемодане. «А папа говорил, что на войне нет кукол, папа шутит, да мама?».

Верочка здорова и очень много разговаривает, она издает всевозможные звуки, говорит нечто вроде «дать, дать». И когда видит меня, то весело энергично кричит: «мама? дать-дать!». И выходит комично, как будто она требует молока, дать молока. <...> С Твоего отъезда она потеряла свой великолепный сон и спит весьма плохо, так что очень жаль бедную Анисью, ей спать совсем не приходится. Я же теперь сплю сравнительно хорошо, хожу кормить Веру только один раз около 1 часу, а затем сплю до 9 часов. Верочке же в 7 часов варят кашу, и она тогда пьет молоко и закусывает печеньем.

Последнее твое письмо было от 2 декабря, т.е. ровно 14 дней тому назад, сегодня уже суббота 17, я пишу Тебе письмо с перерывами, так как Стана совсем не дает писать покойно. Я стараюсь думать, что в этом виновата почта и что у Тебя все благополучно. Теперь вы опять сидите в окопах. Мишенька, пиши мне чаще, хоть открытки. Хотя я уверена, что Ты писал, но что во всем виновата почта. Так Петрово-Соловово⁶ позвонил по телефону только третьего дня, а ведь выехал он 27, говорит, что задержался в дороге. <...>

Целую Тебя крепко, крепко. Храни Тебя Бог. Картинку Станы сожги и вымой руки.

16 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Опять сидим в окопах, и кажется, довольно безнадежно на долгое время. Во всяком случае, праздники придется сидеть в окопах — надо надеяться, что немцы дадут нам сидеть тихо, так же, как дали и мы им. Хотя солдатские вести говорят, что нас сменят, а они редко ошибаются. — Во всяком случае, лучше ждать худшего. Окопное житье, в общем, довольно надоедливое, утомляет полное безделье, от которого время тянется бесконечно долго. Так как в блиндаже я не один, то заниматься для себя очень трудно, тем более что почти все время отвлекают различные донесения и приказания.

Настроение мое недурно, хотя все-таки чувствую усталость и очень сильно мечтаю о Петрограде. Дорогая моя, жаль, жаль, что я тут, а не с тобой и не с детьми буду встречать любимый праздник, праздник семейных воспоминаний и связи с дорогами умершими. Бог даст, мир не за горами и уже будущее Рождество, наконец, мы встретим вместе. Для тебя вчера начал писать стихотворение, но не окончил — не дали. Может быть, со временем удастся его отделить, а пока не могу.

Мешает писать здорово особенно Столица, который, хотя и симпатяга, но болтает всякую ересь. Получила ли ты деньги от Кербера? Если получила, то моя просьба — если тебе они сейчас не особенно нужны, то купи билеты последнего займа. Теперь ты будешь получать из полка денег больше на 30 рублей, я тоже буду получать больше на 15 рублей. Получаешь ли ты прибавку в Министерстве? Напиши мне, что поделывают родные и знакомые. Передай Алисе, что я стал здорово рисовать, различные фигуры, преимущественно голые, и удивляюсь не тому, что я рисую голых — это легче, — а тому, что могу в любой позе нарисовать человека.

Поздравляю всех с праздником. Христос с вами. Целую всех.

Твой М.

18 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Станочка сегодня страшно обиделась на Твое письмо, что Столица нарисовал разорвавшуюся бомбу и что папа упал. Она горько, горько расплакалась из-за этого и оттого, что у Тебя такая избушка скверная, без стен и что Ты пошел опять в окопы, и мне было трудно ее успокоить и утешить. Ты передай Столице, что Стана просит больше не присылать таких рисунков, она просила меня это написать Тебе и сказать, что это глупости. Сегодня получила три твоих письма. Я всегда, читая письма, и радуюсь и огорчаюсь.

Целую Тебя крепко. Храни Тебя Бог.

18 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька, сегодня получил твои письма от 9-го декабря — очень приятно было их получить, так как два дня, т.е. почтовых дня, ничего от тебя не имел — значит, не имел известий около недели. Конечно, если нужно тебе тратить присланные 100 рублей, — то не задумываясь трать их — деньги для того и созданы, чтобы их тратить. Меня только удивляет, почему ты получаешь из М[инистерст]ва только 146 рублей, когда должна получать 150 — будь добра, напиши мне об этом подробнее, я тогда снесусь с Морочем⁷. Во всяком случае, прибавка 30 рублей от полка тебе должна прийти кстати. Бог даст, как-нибудь проживешь, были бы только целы и здоровы, а главное, были бы нужны друг другу — как ты теперь нужна мне. Я себе представить не могу, что бы я делал, если бы тебя не было. Такого чувства к тебе, какое во мне сейчас, я уже давно не испытывал. Просто снова, снова влюблен в тебя. Вспоминал тебя, и все дни, проведенные с тобой, кажутся удивительно хорошими. У меня есть мечта, когда я приеду, поехать с тобой куда-нибудь, чтобы побыть вдвоем, чтобы никого не было из родных, только одна ты. Моя душа стосковалась по тебе и хочется с тобой одной пережить всю нашу любовь сначала. Это мечта, но она так наполняет мою душу восторгом и дает бодрость и силу. Храни себя, дорогая моя, береги свое здоровье, ведь мне так хочется встретить тебя и молодой и сильной, только бы скорей наступило это время. Христос с тобой. Посылаю тебе мои стихи — это стихи, навеянные романтическими приключениями одного офицера. Во всяком случае, мне кажутся они удачными.

Крепко, крепко тебя целую. Твой М.

19 декабря 1916 г.

Дорогая моя девочка Станочка, папа тебе так часто пишет письма, каждый день, чтобы ты не скучала и помнила бы своего папу. У папы в комнате столько мышей больших и маленьких, что когда папа сегодня ночью зажег свой фонарь, он сразу увидел 10 мышек, — они испугались света и побежали в разные стороны, замахали хвостиками, ушками захлопали, а носиком: «тюк-тюрю-рюк». Папа очень любит шоколад и Станочка его любит, он лежит у папы на столе. Мышки тоже его любят, и сегодня ночью они съели папин шоколад и бумагу, в которую был завернут шоколад, тоже съели, — такие шалунишки. Они, верно, подумали, что бумага тоже шоколад.

У папы сегодня испортилась печка, пришел солдат, принес дрова, хотел затопить печку, а дрова не горят, уж он дул, дул, дул, — все губы продул — только дым пошел, — отворил дверь, чтобы дым из комнат прогнать, и стало холодно. — Папа взял шубу, надел перчатки и шапку и сидит в комнате, точно на улице в шубе, шапке и перчатках. Папа посылает тебе лошадку, только у нее ноги обломались, — ну ничего, если найду другую, опять пришло, а эта лошадка с войны, не мудрено, что у нее ноги ранены. Напиши папе, была ли у тебя елка и какие игрушки тебе подарили.

Ну, вот и написал тебе письмо длинное предлинное, семиаршинное, это тебе не сказка, а папе дай кринку масла.

Поцелуй маму и скажи ей, что папе скучно без мамы и хочется ему поцеловать мамины щечки, Станочкин лобик и Верочкин носик, — а теперь спать пора. Христос с тобой, спи до утра, ножками не болтай, ручками не играй, а глазки черносливки смотри не открывай. Целую тебя и Верочку. Твой Папа

20 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Последние дни получила после долгого перерыва Твои письма и очень была счастлива. О том, что Ты приедешь, боюсь и думать, так это будет великолепно.

У нас все благополучно, все здоровы, страдаем только от холода, так как стоят сильные морозы и в квартире холод отчаянный. По сему случаю все еще держу Стану в кровати, а то из гостиной по полу сильно дует и мои ноги тоже как лед.

Страшно заинтересованы событиями, которые произошли в субботу⁸, читаем газеты между строк и ужасаемся, что из за карантина не можем видеть народ и узнать все слухи, хотя Гарри нас навещает и Рафаил и Дези спорят на лестнице. Дези такая храбрая, что сегодня вошла даже в гостиную. Крепко Тебя целую. Храни Тебя Бог.

20 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Завтра опять оказия, поэтому снова пишу письмо. Могу сообщить тебе, что все-таки отпускают четырех обер-офицеров и одного штаб-офицера. Таким образом, до меня еще очередь 7 человек, т.е. можно надеяться, что в начале февраля я приеду в отпуск. Отпуска дают на три недели — а по-нашему это совсем скоро, всего только два окопных сидения. Теперь мы в окопах сидим по три недели, вылезаем 26 декабря, снова садимся 5-го января, опять вылезаем 27 января и снова садимся 31-го. Насчет нашего отхода отсюда говорят из высоко авторитетных источников, что произойдет не ранее середины февраля. Поживем — увидим, а может быть, к тому времени и с миром что-нибудь наладится. Думается, что герману уж очень не в мочь, что он-таки хочет мириться. Сегодня к Преображенцам перебежало 14 солдат при 2-х офицерах — это тоже знаменательно. Настроение у нас такое, что если немец пойдет на наши условия, то отчего не мириться — и думаем, что если он пойдет, то пойдет теперь же, если же не пойдет, то придется еще лето воевать, если только, конечно, нейтральные государства не пойдут против нас.

Вчера немцы встречали Новый год, а поэтому, очевидно, спяну, не давали нам спать и то и дело принимались швыряться всякой дрянью. Зато сейчас, чтобы не сглазить, тихо. Ты, кажется, напророчила мне бессонницу — вот уже вторую ночь не сплю вовсе. Вчера заснул часов в 6 утра и проснулся в полдевятого, а сейчас уже полпятого утра и мне спать совершенно не хочется. Если это от нервов, то странно, именно последнее время я чувствовал себя превосходно и был в наилучшем душевном расположении. Почему не сплю, сам не знаю — просто не хочется спать, думаю, это происходит оттого, что сидя в окопах весьма мало двигаешься. Вчера ночью рисовал, сегодня занят был делом, чертил планы участков — и вот теперь пишу тебе письмо.

Сейчас командир 5-й роты донес, что против него немцы, по-видимому, ведут подкоп, но мы в свою очередь ведем против них — начинается интересная подземная борьба, кто кого взорвет раньше, — и должно быть, кончится тем, что никто никого не взорвет. Погода у нас непонятная — в общем, петроградская, то валит снег и заносит нас, то он сменяется дождем и мы тонем в воде, — солнца почти не видим, и слава Богу, а то некуда было бы деваться от аэропланов, не наших, а конечно, германских, наши предпочитают не летать ни в хорошую, ни в худую погоду, и я с ними согласен — жить и сидеть в халупе гораздо лучше, чем летать по воздуху, — зачем же лететь от хорошей жизни.

Сегодня ночью, вспоминая вас, вспомнил, что у Ози должно родиться нечто как раз в декабре — если кто родился, то напиши мне, пожалуйста⁹. Что Дези и ее квартира? Что Николай Васильевич, как он доволен своей службой, ты мне что-то давно не писала обо всех родственниках. <...>

Вообще, пиши все, что придет в голову, я так соскучился по тебе и так мечтаю сильно тебя целовать и быть с тобою, что иногда хочется на все плюнуть здесь и ехать к тебе. Вот сейчас, кажется, так бы сильно обнял тебя и стал целовать в глаза, в щеки, в шейку — милая, милая — отчего этого нельзя сделать сейчас! Булинька, я говорю совершенно серьезно, что так, как теперь я люблю тебя, я кажется, никогда еще не любил. Ну, Христос с тобою, боюсь, что я еще что-нибудь скажу, что ты обидишься. Храни тебя Бог, будь весела, счастлива, здорова, а главное, люби меня так, как я тебя люблю теперь, и молись Богу, чтобы я навсегда сохранил к тебе это чудное чувство любви. Христос с тобою. Целую тебя и детей.

22 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Почему Вы опять сидите в окопах, я не понимаю? Вместо 9 дней отдыха у Вас было только 6 и если отсчитать еще 9 дней, то праздники Вы должны как раз отдыхать, а Ты пишешь, что праздники тоже придется сидеть в окопах, почему же это так? И кто те счастливые, которые пользуются продолжительным отдыхом? Ведь если вы меняетесь, то все должно быть одинаково. Солдатик, который принес последнее письмо, говорил, что у Вас тихо, но что в окопах страшная сырость и вода. Я иногда желаю, чтобы Ты схватил ревматизм, чтоб иметь

какой-нибудь предлог, чтоб заполнить Тебя сюда. Эти дни у меня все вертится одна мысль, и когда Ты приедешь, я сообщу ее Тебе, теперь же я еще не решила ее окончательно.

Твои письма к празднику пришли вчера, раньше, чем им полагалось. Спасибо за них, спасибо за стихотворение и за все пожелания, которые Ты шлешь. Одного только у меня нет, нет праздничного настроения, и у меня такое чувство, что сочельник не послезавтра, а еще через много-много времени, и странным даже кажется, когда я вспоминаю елку в былые годы, когда все было мирно, весело и радостно. <...>

Итак, будем ждать полного выздоровления. Сегодня Станочка днем первый раз встала от завтрака до обеда. Была очень счастлива, хотя немножко смущена и боязлива и послушна, спрашивала может ли она подойти к печке, к столу, ибо я внушала ей, что ходить в другие комнаты и подходить к окнам ей нельзя. Ложиться обратно в постель ей очень не хотелось, хотя вечером она была довольно капризна, не хотела чистить зубы и ложиться спать, очевидно, все-таки не шутка пролежать 30 дней в кровати. <...>

Теперь, когда у меня было больше времени наблюдать ее характер, я убедилась насколько верно, что женщины стремятся сохранять все старое и не любят ничего разрушать, как мужчины, не любят эволюционировать, они только созидают, творят и страшно привязываются к своим творениям. Так Станочка привязывается ко всякой бумажке, ко всякому пустяку и сломать, уничтожить ее игрушки, что с удовольствием бы сделал каждый мальчик, ей ужасно жалко. Все эти бумажки, камешки для нее живые существа, но для прогресса она сделать ничего не может. Т.е., я говорю в том смысле, что женщины вообще не способны ни на какие открытия, вообще не могут сами что-нибудь двигать. Все-таки главная их сила это то, что они любят, а тогда они могут одолеть многое. Если я представляю себе, что у Станочки когда-нибудь будет несчастная любовь или если муж ее бросит, мне ужасно жалко становится мою девочку, потому что если она полюбит, так уж сильно и для нее это будет большое горе. <...>

25 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Сегодня начался 14-й день, что мы на позиции, зато завтра пойдем на отдых. Из всего сидения самое трудное это то, что не раздеваешься, а главное, не снимешь сапоги; все остальное довольно свободно переносимо. Грустно и то, что волей-неволей сидишь в грязи; уже три недели, как я не был в бане. Из этих 14 дней один день я командовал ротой, так как один ротный командир заболел, и мне пришлось его заменить. Сидеть впереди, пожалуй, самое безопасное, так как расстояние от противника в большинстве случаев около 100 шагов, а потому ты гарантирован от тяжелых снарядов и даже шрапнели, все мины и все остальные мелкие вещи преимущественно летят туда, где предполагаются резервы, т.е. во вторую и третью линии, иначе говоря, в штабы батальона и полка. Впереди только легкий посвист пуль и шальные гранаты, а также легкие бомбочки — но все это особого вреда не причиняет. Если я привык к окопам, то терпеть не могу ходов сообщения — все они хорошо известны герману и по ним он любит стрелять всякой прелестью, без них же обойтись очень трудно — оттого для меня самое тяжелое переходить из штаба батальона на передовую линию и обратно и даже в тыл. Самочувствие мое очень хорошее и настроение бодрое. Самое трудное время сидения было на 7-й — 8-й день, когда стал здорово чувствовать усталость, потом стало легче, так как чувствовалось — не за горами освобождение. Противник, в общем, ведет себя очень тихо. Правда, день на день не приходится, например, 23-го он очень был беспокоен — дошел до того, что даже ночью швырялся чехоманчиками, не говоря уж об огромном количестве мин. 20-го он пытался подорвать наши минные подземные работы, но неудачно, — а вчера то же проделали мы. Ожидали мы сильного взрыва, так как были данные, что немец уже успел заложить 200 пудов динамита, чтобы нас взорвать, но, видимо, не успел, так как сильного взрыва не последовало. В общем, не так плохо, — тоска моя прошла и я могу смело сказать, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Только недостает тебя, особенно, если вспомнить, что сегодня Рождество. Ах, какая чудная была сегодня ночь. Полная луна, небольшой мороз, крупные звезды и тишина — немцы благородно дали нам справить Рождественскую ночь, ни одной мины, ни одного снаряда, — только редкое попукивание ружей, — впрочем, долг платежом красен — ведь и мы не [мешали] петь песни в их Сочельник и в их Новый год. Надеюсь, что и вы хорошо встречаете праздники, думаю, что все-таки вы достали елку.

Интересно, как Верочка приняла ее. Станочка тоже должно быть уже была на ногах. Жаль, что папа не видал их мордочек с блестящими глазками. Жаль, что не видал и тебя и не мог поцеловать твои глаза. Булинька, не грусти, моя милая, все образуется, снова будет тепло и уютно, и чем больше неуютно теперь, тем [уютнее] будет потом. Жизнь берет свое, но возвращает его со сторицей. Мы сейчас с тобой платили за наше беззаботное счастливое детство, а потому будем ждать счастливого будущего, а если мы не узнаем его сами здесь, узнают его наши дети, а что может быть лучше, чем знать, что Станочка и Верушка будут хорошо жить. Мы свое получим не здесь, а в будущей жизни, чувствуя покой и счастье детей. Я все тебя угощаю философией оптимизма, — но разве можно жить без веры в то, что ни случается с нами, все, во-первых, так и должно быть, во-вторых, все разумно, а в-третьих, потому и ведет к лучшему. Я, например, сейчас с громадным счастьем предвкушаю встречу с тобой, и оттого, что ты в данный момент являешься для меня недосыгаемой, — моя любовь к тебе делается такой молитвенно прекрасной, дает так много истинной радости, что вытягиваешься, как струнка и только

думаешь — быть достойным твоей чистоты и твоей любви, и я так тебя люблю, как никогда бы не любил, если бы это время пробыл с тобой. Ах, Булинька, я знаю только одно, что я живу для тебя, а без тебя, если бы тебя не было, я не могу себе представить, как бы я мог жить. И как бы мне хотелось, чтобы все, что сейчас поет во мне — перешло в тебя и тебе бы стало легко, и ты бы поверила, что все идет к лучшему, даже самое худшее, и сказала бы от всего сердца: Слава Богу, как хорошио жить.

Булинька, сегодня Рождество, и так удачно, что завтра идет оказия, и я могу поэтому писать тебе. Писать письма впрок, т.е. без надежды скорой отправки их я не могу, я люблю писать, когда знаю, что тот, кому я их пишу, скоро получит их.

Сейчас герман решил, что довольно нам покоя и как будто начинает швырять мины, по крайней мере, одна где-то прочно села на землю. Между прочим, вчера перед вечером на участке против Столицы они выкинули белый флаг в знак того, что с этого участка стрелять не будут. Пустили сейчас несколько шрапнелей и замолкли, должно быть, спросонья.

С нетерпением жду от тебя писем, надеюсь, что ты все мои письма получила, на прошлой неделе было много оказий, и я с каждой посылал письма. Очень уж меня интересует вопрос: неужели ты в положении? — Это было бы, во всяком случае, довольно неожиданно. Ну, пока всего хорошего. Целую тебя. Привет всем. Когда у вас кончатся карантин? А здорово кокнули Распутина! Если что знаешь об этом, напиши с оказией.

Сегодня праздник, и очень трогательна солдатская заботливость — (еще две мины) — они, т.е. посыльные, в блиндаже все вычистили, пока мы спали, положили на стол чистую газету, даже розетку из бумаги вырезали к свечке — и сразу стало и светло, и уютно, и как-то празднично. Еще раз до свиданья. Христос с тобой. Целую много, много раз.

Твой М.

25 декабря 1916 г.

Дорогая Булинька,

Очень удачно получил твою посылку — папиросы, как раз 25-го, — только жаль, жаль, что доехали они в очень плохом состоянии, так как коробки разломались, и они отсырели. Письмо от 15-го получил тоже. Жалею, что у вас не будет елки. Ну, да ничего — все образуется. В целом сегодня день прошел довольно тихо, только вот сейчас германы расшвырялись по нашему старому участку минами. Сегодня весь день немцы предлагали нашим вина, — на что наши отвечали выстрелами. Итак, завтра мы отходим в резерв — на одну неделю, правда, — но все-таки, как приятно будет раздеться, надеть чистое белье и хорошо вымыться в бане.

Спасибо за память. Христос с тобой. Храни вас Бог.

25 декабря 1916 г.

Дорогая Станочка,

Папа тебя поздравляет с праздниками и посылает тебе теленочка и черную девочку. Про теленочка мама умеет петь песню — был он беленький, я теленочка любил. Правда, хороший теленочек, а черная девочка аранка утащила кусок арбуза и танцует от радости. Теленочек просит тоже кусочек арбуза, а аранка только смеется и танцует.

У папы елки еще не было, она будет послезавтра. Папа утром будет мыться в бане, потом будет бриться, потом устроит елку, позовет гостей, зажжет свечки и будет думать, что я он дома вместе с мамой, Станочкой и Верочкой. А ночью придут мышки и съедят на елке все конфеты, им также хочется быть на елке, ведь скучно сидеть все под полом и ничего не видеть, а гостей они боятся. Когда Станочка поправится и будет ее рождение, то папа постарается к ней приехать, только не говори маме об этом, — это секрет и Верочке не говори. Папа хочет, чтобы Верочка не знала и сразу увидела папу, и мама ничего знать не будет, одна только Станочка, — вдруг откроется дверь и папа придет. Тогда мы устроим шеколад и будем все вместе пить и есть вкусный крендель — тогда будет и Гуля и Майя и будет очень весело. А пока спи хорошенько, слушайся маму и расти большая, большая, как самая большая елка.

Поцелуй маму, няню, Веру, бабушку и тетю Алю и скажи, что папа им кланяется.

25 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Сегодня Рождество; я надеялась, что Кербер уезжает сегодня, что отвезет Тебе письма и посылку. Аля звонила к нему по телефону, и оказалось, что у него разболелись зубы и что он подал рапорт о болезни. Итак, Ты останешься к Новому Году без писем, и это ужасно обидно, тем более, что это время я, рассчитывая на Кербера, не писала по почте. Погода у нас чудная, настоящая рождественская, днем светило солнце, а вечером и вчера, и теперь очаровательная луна, настроение только совсем не праздничное.

Сегодня мы со Станочкой устраивали елку для ее кукол, вырезали и клеивали из разноцветной бумаги флаги, звезду, птичек и украсили маленькую елочку, которая ростом со Станочку и стоит у нас на полу. Затем повесили маленькие яблочки, зажгли шесть свечек, посадили всех кукол. <...> Когда Станочка встала, то няня, бабушка, тетя Аля приходили к нашей двери, чтоб ее немножко увидеть и теперь всякий раз как дверь открывается, Станочка начинает презабавно делать реверансы. Никто ее этому не учил, а она это делает из скромности и из благодарности, что к ней пришли. Третьего дня она видала во сне, что Ты приехал, проснулась ночью и спрашивала меня, когда папа придет? Скоро?

Верочка сегодня первый раз встала на ножки сама; взялась за палку решетки в кроватке и встала. Это довольно рано, правда? Ведь ей еще нет 9 месяцев. Зуба у нее все еще нет, и я, пожалуй, больше бы обрадовалась зубу, хотя и то, что она сама становится, говорит, что кости у нее крепкие. Характер у нее совершенно мальчишеский, и Ты ее не узнаешь.

Теперь вот что: как получишь это письмо, напиши сразу и пришли мне доверенность на получение денег в Министерстве, а то мне денег оттуда больше не дадут и наградные к Рождеству тоже поэтому не дали. Доверенности надо прислать две: 1. на все причитающиеся суммы 1916 года и 2. на жалование и причитающиеся суммы с 1 января 1917. Тогда якобы выдадут наградные и прибавку еще какую-то. Доверенность пришли на имя Херри, а то Ози получать очень неудобно. Херри же ничего не имеет против. Так как я рассчитывала получить наградные и не получила их, то финансы мои сейчас очень плачевны и если бы не твои 100 р., я не знаю, как я вышла бы. Когда Ози третьего дня сообщил мне об этом, я хотела в первый момент идти говорить по телефону с Морачем и сказать ему, что это безобразие и что они должны были бы предупредить об этом в ноябре, когда получали жалование, что Ты на фронте и что деньги мне очень нужны. Не знаю, добилась ли бы я чего-нибудь своим разговором, но главное, я сообразила, что не имею никакого права говорить по телефону, раз у меня карантин, и что это будет

неблагодарно относительно всех других говорящих по телефону. Канитель страшная и ужасная тоска, что у нас все так делается, поэтому, пожалуйста, устрой мне это как-нибудь с оказией. <...>

26 декабря 1916 г.

Дорогой Миша,

Все жду оказий, чтобы отослать письма, которые должен был взять с собой Кербер, думаю, что по почте посылать не стоит. У нас все благополучно. Верочка здорова, а наш карантин кончится в субботу. Лыжин разрешил выйти на 2 дня раньше, хочется Новый год встретить, как следует. Пришли, пожалуйста, доверенность на получение денег в Министерстве, а то они не хотят давать прибавки и наградных к Рождеству без доверенности. Две доверенности: 1. на причитающуюся сумму 1916 г. 2. на все причитающиеся суммы и жалованье в 1917 г. Напиши все это на имя Херри, ему удобнее, чем Ози, ходить в Министерство.

Крепко целую. Дай Бог Тебе всего лучшего.

29 декабря 1916 г.

Милый, милый, спасибо Тебе за Твои хорошие, ласковые письма. Ты так стосковался и так хочешь увидеть меня. Спрашиваешь, люблю ли Тебя также сильно? Разве Ты не знаешь, что спрашиваешь, Ты ведь знаешь, что Ты для меня значишь, я только и жду Твоего приезда и вместе с тем боюсь. Боюсь, что после того нечего будет ждать, но это малодушие, конечно. Теперь же у меня такое настроение, что мне хотелось бы заснуть и проснуться, когда война кончится и будет мир, так устала я от жизни и от всего. А Ты еще пишешь, что хочешь встретить меня молодой и веселой, или и у тебя закрадываются мысли, что все мы стареем и что все у нас уже в прошлом? Внутренние дела и чтение газет отвлекают мысли в другую сторону от войны, слишком уж политика волнует, чтоб оставаться тут спокойной. У вас, должно быть, это не так заметно, Кербер говорил мне, что вы мало интересуетесь тем, что творится у нас. <...>

На днях кончается наш карантин, и это так приятно, а то порядочно надоело и, главное, надоела неурядица в доме.

Целую Тебя крепко, крепко. Храни Тебя Бог. Твоя Беби

¹ Лапицкий Владимир. Поручик 1-й Л.-Гв. артиллерийской бригады. Пожалован за отличия в делах против австрийцев орденом св. Анны с надписью «За храбрость».

² Георгий Константинович Эльснер, капитан Егерского полка, после революции в Добровольческой армии, в эмиграции в Харбине, умер в Тайбее (Тайвань) в 1973 г.

³ Алексеевский Павел Александрович. Капитан л.гв. Егерского полка. В Северо-Западной армии; в дек. 1919 во 2-м пехотном Ревельском полку. В эмиграции в Эстонии, затем в Германии. Ум. в июне 1970 в Штутгарте.

⁴ Александр Васильевич Кошевой, капитан (позже полковник) Егерского полка, после революции в Белой армии, в эмиграции в Югославии (Белград).

⁵ Лабинский Кирилл Алексеевич, капитан л. гв. Егерского полка. В эмиграции в Югославии (Нови Сад). Служил в Русском Корпусе. Ум. 15 мая 1967.

⁶ Николай Михайлович Петрово-Солового, прапорщик Кавалергардского полка, был в группе офицеров, прикомандированных к Егерскому полку в сентябре 1916 г. после понесенных им в холе Ковенского сражения тяжелых потерь. Во время Гражданской войны в Белой армии, умер в Брюсселе в 1929 г.

⁷ В.В. Морачевский.

⁸ Речь идет об убийстве Григория Распутина.

⁹ Речь идет о четвертом сыне О.А. — Германе, который родился в январе 1917 г. Герман Парланд, последний из племянников Э.А. только что отметил свое 102-й день рождения.

Semenov-Tyan-Shansky M.A. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, POMI RAS

Zadneprovskaya A.Yu. – Candidate of Historical sciences.

LETTERS FROM 1916 (LETTERS FROM THE ARMY TO PETROGRAD AND FROM PETROGRAD TO THE ARMY)

Annotation. In this publication – wartime correspondence between husband and wife – Mikhail Dmitrievich Semenov-Tyan-Shansky and Emmy Andreevna (in girlhood Parland). Correspondence covers the events of May-December 1916. The third part of the correspondence is published in this issue: December 1916.

Keywords: World War I, Petrograd, front, army, family, M.D. Semenov-Tyan-Shansky, E.A. Parland.